

Ольга Матвеева

Иван - Дурак / роман

Издательство / FreePoetry / 2011

Ольга Анатольевна Матвеева

Иван-Дурак

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6611091

Аннотация

Привычная жизнь преуспевающего бизнесмена Ивана Лёвочкина резко меняется после того, как во сне ему является экстравагантный незнакомец во фраке и бабочке. Незнакомец сообщает, что Иван должен спасти женщину, которую когда-то любил. Теперь господину Лёвочкину предстоит сделать невозможное – повидаться со всеми женщинами, которые сыграли важную роль в его судьбе и найти ту, которую нужно спасти. Каждое свидание станет тяжким испытанием и непростым уроком... Куда приведет Ивана этот путь?

Это сказка для взрослых. Циничная и трогательная, легкая и глубокая. Сказка о любви, предательстве, разлуке и самом важном – поиске себя.

Содержание

Глава первая	4
Глава вторая	23
Глава третья	31
Глава четвертая	40
Глава пятая	54
Глава шестая	65
Глава седьмая	78
Глава девятая	92
Глава десятая	112
Глава одиннадцатая	129
Конец ознакомительного фрагмента.	144

Ольга Матвеева

Иван-дурак

Глава первая

В кожаном кресле рядом с кроватью сидел какой-то препротивный тип и беспардонно курил сигару. Пепел он стряхивал прямо на паркет. Росту незнакомец был, судя по всему, невысокого, но обширное тело его едва помещалось в просторное кресло. Был он облачен, кажется, во фрак, хотя кто нынче знает, как выглядят настоящие фраки? Белую сорочку украшала или, скорее, напротив, уродовала клоунская красная бабочка в легкомысленный желтый горошек. Весь наряд выглядел как-то неряшливо: помятый и запятнанный. Иван даже брезгливо поморщился. Незнакомец в ответ недобро ухмыльнулся. Был он бледен, глаза имел черные и пронзительные, брови лихо изогнутые, причем, одна значительно изогнутее другой, гордый орлиный нос помещался меж пухлыми щечками, губы тонкие, нервные, злые. Не человек, а какой-то опереточный Мефистофель. Ивану было совершенно не понятно, как этот персонаж оказался в его спальне посреди ночи. Страшно, впрочем, почему-то не было.

– Кто вы, позвольте поинтересоваться? И что изволите де-

лать в столь позднее время в моей опочивальне? – спросил Иван. Он и сам не понял, с чего это его потянуло на забытый стиль романов 19 века. Очевидно, это он от неожиданности.

– Ах, оставьте... – отмахнулся от Ивана ночной гость, голос у него был, как у Шаляпина. Хотя кто нынче помнит, какой голос был у Шаляпина. – Что вы, право, ни к чему современному человеку этот великосветский тон. Анахронизм какой-то, ей богу. Думаю, нам будет легче понять друг друга, если мы перейдем на нормальный человеческий язык.

– Ок, договорились. Так, мужик, кто ты и что здесь делаешь? – переспросил Иван.

– Странные у вас, батенька, представления о нормальном человеческом языке. Вы полагаете, что непременно нужно хамить? Это, по-вашему, признак современности? – проворчал незнакомец. – Впрочем, ладно, не важно. Перевоспитывать вас уже поздно. Да и не расположен я, знаете ли... И не уполномочен, кстати. Так... о чем это мы? Ах, да! Кто я и зачем я здесь? Кто я, знать вам вовсе не обязательно, и удовлетворять ваше любопытство в данном вопросе я не намерен, но имя свое сообщу – для удобства в общении. Я, разумеется, искренне надеюсь, что общение наше будет крайне непродолжительным, но ведь никто не знает, как получится. Даже мне не дано знать будущего. Хотя..., – незнакомец хитро улыбнулся, – так вот, позвольте представиться – Петр Вениаминович.

– Иван Сергеевич, – отрекомендовался Иван.

– Я, кажется, не спрашивал, как зовут вас, поскольку мне и так это известно, – Петр Вениаминович так зыркнул на Ивана, что желание поддерживать беседу у него сразу пропало. – Итак, переходим ко второму вопросу. Видите ли, я здесь, чтобы передать вам следующее: вы должны спасти женщину, которую некогда любили, иначе она погибнет. Вот, собственно, и все, что я хотел сказать. И ни к чему были все эти бесконечные разговоры. Все эти пустые слова меня утомляют. Как много слов в этом мире. Слишком много слов. Они только все еще больше запутывают, хотя и созданы, чтобы все объяснить. – Он похлопал себя по карманам. – Черт! Сигары закончились!

– Кого я должен спасти? – крикнул Иван, обращаясь к пустому креслу, потому что Петр Вениаминович внезапно исчез. Вместе с ним исчез и запах сигар...

Будильник исполнял фугу Баха. Иван проснулся. Как всегда в раздражении. Поскольку ничего хорошего ожидать от предстоящего дня не приходилось: работа, переговоры, встречи. Ни минуты покоя. А хотелось просто поспать еще часика три, а потом поваляться в постели еще полчасика, бездумно уставившись в телевизор, а потом неспешно позавтракать, одеться и отправиться на прогулку. И чтобы никуда не нужно было спешить. Но даже выходные не удавалось провести таким образом.

– На что я трачу свою жизнь? – привычно подумал Иван. – Вместо жизни у меня работа. Бессмыслица какая-то. Бро-

сить все и уехать к чертовой матери...

Он вылез из постели и уныло побрел в ванную. Жена Иван на тем временем тоже встала, накинула коротенький голубой халатик и отправилась на кухню готовить мужу завтрак. Это была ее работа.

Странный сон, который приснился ему нынешней ночью, Иван неожиданно вспомнил по дороге на службу. Сны он обычно не запоминал, а если даже и запоминал, то не придавал им значения. Иван Сергеевич Лёвочкин, топ-менеджер и совладелец крупной компании, обитал в сугубо материальном мире. На анализ сновидений у него не было времени. А тут вдруг Петр Вениаминович как живой всплыл в его памяти. И запах сигар всплыл. Иван даже закашлялся, будто машина и в самом деле заполнилась клубами дыма.

– Чертовщина какая-то, – подумал Иван, – приснится же. Пойди туда, не знаю куда, спаси того, не знаю кого. Будто я какой-то Иван-царевич и должен спасти Василису Прекрасную. Забавно. А вдруг кто-то действительно нуждается в моей помощи? Бывают же вещие сны. Вдруг это такой и был? А что за гусь этот Петр Вениаминович? Да ну! Глупости все это.

Как только Иван перешагнул порог родной конторы, про сон тут же забыл.

Вернулся домой уже ночью. Усталый и раздраженный. Жена открыла ему дверь. Она привычно обняла его. Он поцеловал ее в щеку. Она хорошо пахла. Однако Иван отметил,

что волосы у нее давно немытые, висят какими-то неопрятными сосульками. В парикмахерской она, видимо, тоже давно не была. Лицо унылое.

– Есть хочешь? – спросила она.

– Нет, в ресторане поужинал с партнерами.

– Хорошо. – Она пошла в спальню. – Я уже спать собиралась. Приходи.

Он залюбовался ее длинными ногами. Но как-то спокойно. Будто видел их в журнале или по телевизору. Просто красиво и все. Единственное, чего ему сейчас хотелось – спать. Провалиться в сон и получить свои пять часов отдыха и покоя. Жена даже не повернула головы, когда он вошел в спальню и забрался под одеяло. Она читала какую-то книжку в мягкой обложке.

– Что читаешь? – спросил Иван.

– Любовный роман, – ответила она нехотя.

– Зачем тебе это?

– С детства люблю сказки. Спать?

– Спать.

Она погасила свет и отвернулась.

«А она ведь меня, похоже, совсем не любит», – подумал Иван, засыпая. Эта мысль не взволновала его. Так, констатация факта...

– Кхе, кхе. Стыдно, молодой человек, стыдно...

Иван открыл глаза. В кресле рядом с кроватью снова сидел Петр Вениаминович. На сей раз на нем был черный ко-

стюм в белую полоску. Такие, кажется, носили киношные чикагские гангстеры во времена сухого закона. И этот костюм был какой-то запятнанный. На голове – шляпа. Прямо крестный отец. Правда, вместо галстука – снова бабочка. Теперь уже зеленая в голубую крапинку.

– Нечего так смотреть, – укоризненно произнес он, перехватив взгляд Ивана. – Мне нравятся бабочки. – Он неспешно достал сигару из кармана, обрезал гильотинкой, закурил с явным удовольствием. Затем продолжил, – этот аксессуар, знаете ли, выделяет меня из толпы, являет собой подтверждение моего нонконформизма. Непохожести. Да, Иван Сергеевич, это в вашем кругу принято быть как все: чтобы квартира не меньше, чем у Василь Василича, чтобы машина побольше, чем у Алексей Федорыча, чтобы жена не старше двадцати пяти, и непременно с параметрами 90-60-90 и ростом не ниже 170, а то ведь коллеги не поймут. Как можно? Боже упаси. Ну и банковский счет, сами понимаете. Вечная гонка за деньгами, за материальными благами, за тем, что вы называете успехом. А что такое успех? Пшик. Поможет он вам стать счастливым? Вы вот, Иван Сергеевич, счастливы, позвольте полюбопытствовать? – Иван открыл рот, чтобы ответить, но Петр Вениаминович продолжил свой монолог, даже паузы не сделал, – то-то и оно, что не счастливы. Вам же некогда быть счастливым. Вы же работаете... Пардон, увлекся... а теперь позвольте вернуться к основной теме нашей беседы. Насколько я помню, во время нашей прошлой

встречи я ясно дал понять, что вам надлежит немедленно спасти гибнущую барышню. Однако, как мне стало известно, вы не предприняли никаких действий в данном направлении. Скажу больше, вы вообще не восприняли мои слова всерьез. Может быть, вы и меня всерьез не воспринимаете? – Петр Вениаминович грозно посмотрел в глаза Ивану.

– Ну, что вы, конечно же, я воспринимаю вас серьезно, – залепетал он. Он действительно вдруг начал относиться к своему странному знакомцу серьезно. Даже почему-то начал его побаиваться.

– То-то же. – Строго сказал Петр Вениаминович. – Короче, пацанчик, в последний раз предупреждаю, если не начнешь спасать дамочку, которую ты некогда любил всем своим черствым сердцем, у тебя будут крупные неприятности. Это я тебе гарантирую.

– Да кого спасать-то? – отчаянно выкрикнул Иван, но Петр Вениаминович не ответил. Он погрозил Ивану сигарой и исчез.

Иван проснулся. Рядом спала жена. Она сейчас была похожа на маленькую девочку, беззащитную и немного испуганную. Видимо, ей тоже снился какой-то страшный сон. Больше никого в комнате не было. Только витал еле уловимый едкий запах сигар. Или показалось? Скорее всего, показалось. Около часу Иван ворочался без сна и все думал, чтобы значили эти ночные явления расплывшегося Мефистофеля. Они ведь что-то значили? Не могли же они быть про-

сто так? Как-то Петр Вениаминович слишком настойчив и слишком навязчив особенно с учетом того, что он являет собой всего лишь сновидение. Тому Ивану, каким он бывал днем, конечно, и в голову бы не пришло рассуждать о том, что хотел ему сказать нагловатый тип из сна и зачем он хотел ему это сказать. Но сейчас, ночью, во тьме, слегка подсвеченной блеклым светом уличных фонарей, казалось, что мир намного сложнее и загадочнее, чем можно было предположить. Что визиты любителя сигар наполнены тайным, мистическим смыслом, и, следовательно, Ивану надо незамедлительно начать действовать, а именно встать и отправиться на поиски женщины, которая погибнет, если он ей не поможет. Разумеется, Иван не встал и не пошел, он успокоил себя тем, что завтра днем непременно займется этим вопросом. В конце концов, ему удалось заснуть. А с самого утра Ивана закружили заботы, да так, что он и думать забыл о некой Василисе Прекрасной, которую надлежало незамедлительно спасти от козней некоего Кощея Бессмертного. Глупости какие-то. Сказочки для детей младшего школьного возраста.

Когда поздним вечером Иван возвращался с работы, его занимали мысли о крупной сделке, над которой он работал в течение последних нескольких недель и завтра, наконец, она должна была состояться. Или не состояться. Но об этом он предпочитал не думать. Приятнее было мечтать о домике на Лазурном берегу, который, теперь он, вероятно, сможет себе позволить. Это будет место, куда он будет сбегать от суеты

и работы. Это будет место абсолютного покоя и безмятежности. Когда он купит этот домик, будет, наконец, счастлив. Во время этих сладостных грез произошел сильный удар, послышался страшный скрежет. Ивана подбросило и припечтало к переднему сиденью машины. Когда он пришел в себя, почувствовал, как его за плечо тормозит водитель:

– Иван Сергеевич, вы целы? – спрашивал он.

– Кажется, да, – не очень уверенно пробормотал Иван, страшно болел лоб. Иван потрогал его рукой – там, кажется, вырвала большая шишка. – А вы целы?

– Тоже, вроде, цел.

– А что случилось-то?

– Врезались в машину, которая перед нами шла. Ладно, скорость маленькая была, а то я и не знаю, что бы было. Сам не пойму, как получилось. Машина, та, которая впереди, тормозить начала, я тоже, только тормоза у нас почему-то не сработали. Дорогая ведь машина, надежная. Все исправно в ней было. Ничего не понимаю. Вы уж меня извините. Вот ведь, оказывается, иногда и пробки – это хорошо. Разбились бы ведь, если бы не пробка. Вы тут сидите, а я пойду разбираться. Что же с тормозами-то случилось? ГАИ надо бы вызвать... эх... – водитель выбрался из машины.

Иван наблюдал, как к нему подскочил приземистый мужчина кавказской наружности, очевидно, водитель старенькой шестерки, в которую они въехали, как оба мужчины размахивают руками и, видимо, спорят или ругаются. У Ивана бы-

ло странное ощущение, что все это происходит не с ним, будто он сидит в зрительном зале и какой-то дурацкий фильм смотрит. Потом почему-то вспомнился сон, и слова Петра Вениаминовича зазвучали в ушах, как иерихонские трубы: «У тебя будут крупные неприятности. Это я тебе гарантирую!». Ивана затошнило от запаха сигарного дыма, который вдруг снова материализовался неведомо откуда. Вот тут Ивану стало по-настоящему страшно. В какую игру его втянули? Зачем? За что? Но теперь уже стало понятно, что это все не шутка, не ерунда. Что если не послушаться всемогущего Петра Вениаминовича, действительно – неприятности будут, и эта авария – всего лишь первый звоночек. Всего лишь предупреждение. Ивану вдруг стало тесно в салоне машины. Он начал задыхаться. Ему показалось, будто все нутро автомобиля сжимается и вся эта кожа, пластик и дерево готовы расплющить его, раздавить, как какую-то козявку. Иван в панике выскочил из машины.

– Николай Иваныч, мы тут надолго? – спросил он у своего водителя.

– Да, похоже, надолго застряли, – ответил тот обреченно.

– Помощь моя нужна?

– Да нет, сам справлюсь.

– Я тогда пойду?

– Идите. Всего доброго. Только вот... Машина-то побита. Видите, с бампером что стало? Неприлично, наверное, на такой ездить? Но бампер – это ерунда. Тормоза меня беспо-

коят. Может, вам другую машину пока в конторе заказать?

– Ладно, разберемся, – бросил Иван и побрел по улице в направлении дома. Погода была пренеприятная: было промозгло, холодно, шел дождь. Чего еще ждать от погоды в конце октября? А какие хмурые лица были у людей вокруг. Ни одной улыбки. Ни одного спокойного, просветленного лица. Все озабоченные. Все разнесчастные. И даже юные девушки были несколько обезображены этой серостью, этой беспросветностью. Иван подумал, что, наверное, в этой вот толпе есть много женщин, которые нуждаются в помощи, которых нужно от чего-то или от кого-то спасать. Всех не наспасаешься. Он же не супермен какой-то, а простой человек. Как понять, кого именно он должен спасти?

На жене было красное платье. Скорее всего, новое. Волосы сегодня были явно чистые и даже уложены в какую-то сложную прическу. Жена была прекрасна. Ивану она напоминала сейчас роковую кинематографическую красотку из тридцатых годов прошлого столетия. Потратила, наверное, сегодня целый день на поиск этого платья и салоны красоты. Вот уж, действительно, счастливый человек. Совершенно беззаботный. Поскольку поиск нужного платья, конечно же, нельзя назвать проблемой. Почему-то эта ее красота и беззаботность его сейчас раздражала. В нем шевельнулась зависть – ей ведь не является по ночам странный тип с требованием спасти неизвестно кого, ей ведь не нужно зарабо-

тывать деньги, у нее есть мужчина, который о ней заботится. Просто бабочка, легко порхающая по жизни. Иван так разочлился, что даже не поцеловал ее в щеку, как обычно.

– Что случилось? – спросила она обеспокоенно. – Что у тебя с лицом?

– Ничего особенного, попал в небольшую аварию. – В ее глазах мелькнул испуг. – А что у меня, кстати, с лицом? – он бросился к зеркалу.

На лбу имел место лиловый фингал, который вполне мог сползти и на глаз. Вид у Ивана был самый что ни на есть маргинальный. Не спасал даже дорогой костюм. Ни дать ни взять водопроводчик, имеющий слишком бурные отношения с алкоголем. Сейчас в Иване сложно было заподозрить интеллигентного, преуспевающего мужчину. Это была катастрофа! Настоящая! Завтрашняя сделка! Кто захочет иметь дело с человеком, чей вид не внушает никакого доверия? Иван вынужден был признать, что с этим украшением он и у самого себя не вызывал никакого доверия. Один небольшой синяк и все – вас уже подозревают бог знает в чем: в связях с неблагонадежными личностями, в пьяных дебошах, в мордобое. Всего один синяк – и конец респектабельности! Конец репутации! Конец мечте о домике на Лазурном берегу!

– Пойдем, – сказала жена, – нужно приложить лед. – Она взяла его за руку и как ребенка повела на кухню, усадила на стул, достала из холодильника пакет со льдом, приложила ко лбу. – Подержи, а я пока в аптеку сбегаяю.

Хлопнула входная дверь. Иван осмотрелся: кухня выглядела не совсем обычно. Длинный обеденный стол был празднично сервирован: белая льняная скатерть, салфетки, серебряные столовые приборы, парадные фарфоровые тарелки, свечи, бутылка шампанского в ведерке со льдом. Что бы это значило? Разве есть какой-то повод?

Жена вернулась, стремительная, решительная. Схватила какой-то тюбик, начала намазывать Ивану лоб.

– Ну вот, надо мазать два раза в день и тогда гематома пройдет быстрее, – сказала она.

– Мне нужно, чтобы этой гадости не было уже завтра. Вот в чем проблема, – устало сказал он. – Завтра должна была состояться большая сделка, которая сделала бы нас намного богаче, но теперь, видимо, все сорвется. Из-за этого идиотского фингала. Я стал похож на бомжа какого-то. Кто мне теперь поверит?

– Извини, но я не волшебница. До завтра это не пройдет, но, уверена, что ты сможешь быть убедительным даже с этим синяком. Я в тебя верю. – Она осторожно обняла его и прикоснулась губами к его щеке. Он отшатнулся. – Я тебя загримирую. Все будет в порядке.

– Кстати, что это? – Иван кивнул на стол.

– Уже не важно. – Она отвернулась. Ивану показалось, что она смахнула слезу. – Есть ты в состоянии? – спросила она бодро через мгновение.

– Я даже выпить, пожалуй, в состоянии. Надо как-то снять

стресс. И все же, что за повод? – Иван снова кивнул на стол.

– Годовщина нашей свадьбы.

– Извини, я совсем забыл. Столько дел. Да еще вот, неприятности. Я и подарок тебе не купил. Вот дурак. Но я куплю, обязательно. Не переживай.

– Мне было бы приятнее, если бы ты просто вспомнил.

– Не начинай, – огрызнулся Иван. – Я работаю, как проклятый, чтобы ты, между прочим, могла покупать себе дорогие шмотки, бегать по салонам красоты, чтобы ты по несколько раз в год ездила за границу! У тебя же все есть! Чем ты еще недовольна? Подумаешь, забыл! Это же мелочь по сравнению с тем, что я тебе даю! Знаешь, сколько женщин мечтают о такой жизни, как у тебя?

– Не нужно так возбуждаться. Да, ты прав. Ты очень много мне даешь. – Она снова смахнула слезу и улыбнулась. – Ну, за лучшего из мужчин! – она подняла бокал.

– За лучшую из женщин! – Иван тоже поднял бокал.

Через два часа они легли в постель, привычно отвернулись друг от друга и погасили свет. Каждый свой светильник.

Когда Иван увидел Петра Вениаминовича, он уже даже не удивился. Этой ночью он был наряжен во френч. Такие носил незабвенный генералиссимус. Были там и галифе, и сапоги... и бабочка. Коричневая. В узкую желтую полоску. Иван не выдержал и рассмеялся.

– Что вас так рассмешило, Иван Сергеевич? – сурово поинтересовался Петр Вениаминович. – Я нахожу, что в вашей

ситуации нет ничего смешного. – Из какого-то невидимого кармана он вытянул сигару. – Конечно, для полноты образа тут нужна трубка, вы совершенно правы, но я не могу изменить своим пристрастиям даже ради полноты образа. Тем более, что данный образ всего лишь моя прихоть. Прихоть и пристрастие, это две большие разницы. Прихоть – это не более, чем каприз, поветрие, а пристрастие – это стержень нашей жизни. Это очень важно, молодой человек, хранить верность своим пристрастиям. Делу своей жизни, любимой женщине. А иногда, знаете ли, полезно от них отказываться. Иногда вредные пристрастия мешают нам двигаться дальше, развиваться, а иногда они нас просто убивают. Взять, к примеру, пристрастие к алкоголю. Мдааа... скольких оно сгубило... – загрустил Перт Вениаминович, потом подобрался, стер с лица выражение лирической печали и снова стал суровым. – Итак, Иван Сергеевич, насколько мне известно, вы совершенно верно интерпретировали наше предупреждение, однако никаких активных действий с вашей стороны так и не последовало. Это печально, Иван Сергеевич, весьма печально, ибо бабу нужно срочно выручать из беды, и если вы и дальше будете проявлять чудеса нерасторопности, мы ведь и серьезные меры можем принять. Этот ваш синячок на лобике покажется вам сущим пустячком... Вы должны понять, что мы не имеем целью запугивать вас. Напротив, мы всячески заинтересованы в вашем здоровье, и физическом, и психическом, но ведь люди такие странные животные, что пока

их, прощенье, не пнешь, они ведь и шевелиться не начнут. Не все, безусловно, но в вашем случае это именно так.

– Ну, вы хоть скажите, кого я спасти-то должен? – взмолился Иван. На сей раз Петр Вениаминович не исчез, а снизошел до ответа:

– Вы, очевидно, заблуждаетесь на мой счет, молодой человек. Видите ли, я не служу в полиции нравов, и в мои обязанности не входит контроль за вашими половыми связями, так что поиск объекта спасения, извините за каламбур, целиком и полностью находится в вашей компетенции. Рад бы помочь, но увы... Я даже предположить не могу, кто нуждается в незамедлительном спасении. Думайте, Иван Сергеевич, думайте. Все в ваших руках. За сим позвольте откланяться. У меня, знаете ли, других дел полно. Возьму тут с вами, как с дитяем неразумным, разве что подгузники вам не меняю. – Проворчал Петр Вениаминович и стремительно исчез.

На следующий день Ивану все же удалось заключить вожаделенную сделку. От услуг жены по гримировке синяка он отказался, заявил, что если он умен, хитер, обаятелен и харизматичен, то у него и так все получится. В конце концов, если потенциальные партнеры не дураки, то должны понять – чтобы явиться на деловые переговоры с фингалом и даже не попытаться его скрыть, это ж какой смелостью, наглостью и уверенностью в себе нужно обладать. Расчет его оказался верным. В самом начале встречи он очаровательно улыбнулся собравшимся и сообщил, что попал в небольшую до-

рожную неприятность, которая сказала на его внешности таким вот ярким цветовым акцентом, но никоим образом не повлияла на его умственные и деловые способности. Сказал также, что из-за поломки автомобиля он приехал на эту встречу на метро, что поездка ему понравилась, поскольку он узнал много нового о жизни и молодость опять же вспомнил, ведь не всегда же он ездил в машине с личным водителем. Отличное было приключение! В общем, Иван получил то, что хотел, а потом заперся в своем кабинете, достал бутылку коньяка из представительских запасов, налил в бокал, отпил глоток и уселся составлять список женщин, которых он любил. Должен же он найти ту, которую необходимо спасти.

– Ерунда какая-то, – думал он, – вместо того, чтобы рассматривать проспекты с недвижимостью на Лазурном берегу, я сейчас грызу ручку и вспоминаю своих баб. Черт, вот кто заставлял меня так часто влюбляться? Вот был бы однолюбом, сейчас бы не мучился. Если у тебя только одна баба, то вполне понятно, что спасать нужно ее. А тут... а почему, собственно, я вообще должен верить этому Петру Вениаминовичу, который, возможно, существует лишь в моем воображении? Чушь какая! Моей жизнью управляет какой-то сумасшедший старик из сновидений. Ничего абсурднее и придумать нельзя. Уверен, что даже в этих идиотских любовных романах, которые читает моя жена, не пишут такой белиберды. А, кстати, в этот список жену нужно включать? А от чего

ее нужно спасать? Живет, как у Христа за пазухой, как сыр в масле катается. Вроде здорова, проблем никаких. В общем, жену из списка вычеркиваем. А вот бывшую жену, пожалуй, стоит записать. Стерва, конечно, редкостная, и помогать ей совсем не хочется, но вдруг это она? Этот старый сатир ведь с меня не слезет. Я ведь эту суку любил когда-то? Любил. Уж не знаю, как у меня это получалось, но ведь любил. Вот придурок! Ну да ладно, дело прошлое. Сейчас я стал умнее. Да уж, умнее! Нельзя придумать ничего умнее, чем составлять список своих бывших с целью осчастливить одну из них. К черту! – Иван разорвал листок, на котором уже значились два имени. Глотнул коньяку. – Стоп, а авария? Она ведь произошла сразу после того, как мне пообещали неприятности. А почему я сегодня все же заключил эту сделку? Почему мне позволили ее заключить? Это аванс за мои будущие подвиги? Нет уж, лучше не рисковать.

Иван снова принялся за составление списка. В нем значилось шесть имен. И это только те, с кем Иван имел серьезные, продолжительные отношения. Не менее полугода. С двумя из них Иван, строго говоря, не спал – это были наивные увлечения его далекой, невинной юности. Своих одноразовых партнерш он решил не записывать, поскольку, во-первых, всех он не помнил, а, во-вторых, он их не любил. Хотя... в одну он влюбился, ему даже показалось, что навсегда. Ну, конечно, ему ведь тогда было пятнадцать лет, а она была его пионерской вожатой. Как тут не влюбиться? После

непродолжительных раздумий он внес в список и ее. А еще мать и приемная дочь. Тоже женщины, и он тоже их любит. Итого, девять.

– Ну и бабник же я, – подумал Иван, сначала удовлетворенно, а потом вдруг осознал, какая титаническая работа ему предстоит. Иван испугался и, как следствие, напился.

Глава вторая

Ночь прошла спокойно. Петр Вениаминович не явился. Иван даже заскучал. Как-то свыкся он с ним за три совместно проведенных ночи. А что, вполне приятный собеседник. И взгляд на мир у него... свеженький такой, нетривиальненький. Словом, стоило Петру Вениаминовичу пропасть на одну ночь, как в глазах Ивана он из карательной фигуры превратился в комическую. В течение дня Иван ни разу даже не вспомнил о списке своих любовных побед и неудач. Да и времени не было, честно сказать. Совсем закрутился: дела, дела. Ни одной свободной минуты.

Домой он вернулся относительно рано, часов в девять вечера в крайне приподнятом настроении. С удовольствием съел приготовленный женой ужин и даже его похвалил. Жена безмерно удивилась.

– А чему удивляешься, мне всегда нравилось, как ты готовишь. – Сказал он добродушно. – Просто жизненный опыт подсказывает мне, что женщину хвалить нельзя.

– Почему?

– Понимаешь, она тогда начинает чувствовать свою власть над мужчиной. А если мужчина находится во власти женщины, значит, он слаб. Какому мужчине понравится быть слабым? Со мной уже было такое, больше не хочу.

– Глупости, – возразила жена, – если мужчина хвалит жен-

щину, она будет чувствовать себя любимой, она будет знать, что мужчина ее ценит, а это значит, что она, в свою очередь, тоже будет его ценить и уважать. Никакой власти – партнерство двух любящих людей!

– Романтический бред! Ты еще слишком молода, ты еще ничего не понимаешь в жизни! Ты и не видела жизни-то! Думаешь, из литературы самого низкого пошиба, которую ты имеешь обыкновение читать, ты сможешь узнать что-то о реальной жизни? Так вот, никакого партнерства в любви не бывает! В паре всегда один главный, это тот, кто любит меньше или у кого денег больше, а другой зависимый. Да и сама любовь – это всего лишь выдумка! Нет никакой любви, понимаешь! Просто люди стремятся избавиться от одиночества, или удобно им вместе! Допустим, он дает ей какие-то материальные блага, весьма комфортное существование, а она встречает его, когда он возвращается домой с работы. Это ведь даже для циников средних лет важно, чтобы их кто-то ждал. Еще она не задает лишних вопросов, создает уют, хранит очаг, так сказать, и всегда на стороне своего мужчины. И все довольны. Удобно ведь.

– Это ты о нас? – голос ее дрогнул, по щеке покатились слезинка, но супруг этого не заметил.

– Ну, да! Мы просто идеальная пара! – Иван посмотрел на жену. – Ты такая красивая у меня! Да, есть и еще одна приятность в этом нашем союзе. – Он с юношеской прытью набросился на нее с поцелуями. Жена так удивилась, что и

плакать раздумала...

Петр Вениаминович колобком метался по спальне. Ни дать ни взять, растолстевший на казенных харчах тигр в клетке. Он даже порыкивал, как тигр.

– Иван Сергеевич! – наконец возопил он. – Иван Сергеевич! Как же вы меня разочаровали! Я был о вас лучшего мнения! – Петр Вениаминович плюхнулся в кресло, дрожащими от гнева руками достал из кармана сигару, закурил. – Вам хотя бы стыдно? – спросил он после долгой паузы.

Иван старался не смотреть на ночного гостя, но чувствовал его взгляд. Только сейчас он понял значение выражения «буравить взглядом». Это была не метафора. Нет. У Ивана было физическое ощущение, будто два зубных сверла впи-ваются ему в лоб. Было больно. Очень больно. Он нашел в себе силы и поднял на Петра Вениаминовича глаза. Тот уже выглядел спокойным. Только черный взгляд был зловещим.

– Стыдно. – Промямлил Иван и тут же вспомнил, как директор школы, в которой он учился, отчитывал его за какую-то провинность. Иван тогда тоже говорил, что ему стыдно и что он больше так не будет. Почему так происходит? Ты взрослеешь, даже стареть уже начинаешь, становишься солидным, богатым, уважаемым человеком, и вот опять находится кто-то, перед кем приходится оправдываться, снова чувствовать себя нашкодившим школьником. А с какой, собственно, стати? – Да, стыдно, – сказал он с вызовом, – если вам так угодно. Только вот хоть убейте, я не могу понять,

за что мне должно быть стыдно?

– Не понимаете?! Вы и в правду не понимаете?! – Петр Вениаминович всем своим видом продемонстрировал крайнюю степень огорчения: его остrokонечные брови поползли куда-то вниз, рот искривился в скорбной улыбке, на глаза навернулись слезы, тело размякло и еще больше расплылось в кресле. Одет он был сегодня в махровый халат, некогда бывший белым, явно украденный из какого-то отеля, серые от грязи, замызганные тапки, тоже гостиничного происхождения. Если бы не голубая бабочка, украшенная принтом в виде божьих коровок, ни дать ни взять отец семейства, который полтора месяца назад в первый раз в жизни побывал за границей и до сих пор пребывает в сладостных воспоминаниях об этом знаменательном событии. И отказывается снять украденный халат. – Составил, значит, списочек своих баб и на этом успокоился? Так и хочется, молодой человек, вас как-то наказать. В угол, например, поставить. Только вы ведь уж не ребенок, да и не добьетесь от вас ничего унижениями-то. И угрозы на вас не действуют. Можно вас, разумеется, поучить уму-разуму: и в порошок стереть, и по миру пустить, и лишитъ всего, что вам дорого. Впрочем, «по миру пустить» и «лишить всего, что дорого», это ведь для вас одно и то же... Нет ведь для вас ничего дороже, чем ваши честно и нечестно заработанные деньги. Как это печально. Жаль мне вас, Иван Сергеевич. Искренне жаль. – Петр Вениаминович глянул на Ивана с таким искренним сожалением, что тому вдруг тоже

стало себя невыносимо жаль. Чуть слезы из глаз не брызнули. – Я не угрожаю, боже упаси, – продолжил свою речь Петр Вениаминович, – тем более, не хочу вас запугать, но, все же, вы должны, как мне кажется, иметь четкое представление о том, что мы можем изменить ровное течение вашей жизни. И далеко не к лучшему. Это в наших силах, поверьте. Но этим делу не поможешь. А посему, я намерен воззвать к вашей совести! К вашему внутреннему мерилу добра и зла! Ибо я убежден, что совесть у вас все же есть! Да, да! Есть. Не сомневайтесь. Вам не удалось ее убить, вы всего лишь ее усыпили. Она впала в летаргию, но вот настал момент, когда она должна пробудиться и начать руководить вашими поступками!

– Утомили вы меня своими нравоучениями! – выкрикнул Иван. – Я знать не знаю, кто вы такой и зачем ко мне прицепились! Без вас проблем хватает. У меня завтра тяжелый день. Вы хоть представляете, сколько мне всего нужно сделать? Что вы мне голову морочите? Я взрослый человек и имею право жить так, как мне хочется! Так, как я умею жить! С какой такой радости я должен выполнять ваши дурацкие приказания, смысл которых мне не понятен? Ах, да! Если я вас послушаюсь, на меня обрушится кара небесная! Вы меня в порошок сотрете! Вы меня призываете спасти какую-то женщину. Это ведь должен быть добрый поступок? – Петр Вениаминович кивнул. – А разве добрые дела делаются под принуждением? Практически с пистолетом у виска?

– Сынок, ты совершенно прав, – голос Петра Вениаминовича был наполнен неподдельной теплотой и участием. – Невозможно совершать благородные поступки вопреки своему желанию. Это должен быть душевный порыв, веление сердца, так сказать. Иначе ничего не получится. Ты совершенно прав, сынок. Ты не обязан ничего предпринимать. Уж кто-кто, а я-то уважаю свободу выбора. Что ж, ты выбираешь бездействие. Не смею больше вас переубеждать. Вам почти сорок, вы взрослый, самостоятельный человек, к тому же из тех, что сделали себя сами, как говорится, что, безусловно, достойно всяческих похвал. Ну что ж, теперь женщина, которую вы некогда очень любили, и которая сыграла важную роль в вашей жизни, погибнет, а вы, вероятно, даже не узнаете об этом. Таковы будут последствия вашего выбора, но как я уже говорил выше, я готов уважать любое ваше решение. Не смею вас больше отвлекать. Отдохновение после трудов праведных – дело важное, необходимое даже, я бы сказал. Действительно, завтра ведь вас ожидает очередной тур великой игры по зарабатыванию денег. Прощайте! – Петр Вениаминович по своему обыкновению поспешно испарился, оставив последнее слово за собой.

– Черт! Черт! Черт! – кричал Иван и молотил кулаком по деревянной спинке кровати.

Утром он пробудился в дурном расположении духа, усталый, изможденный, с головной болью, будто с похмелья, хотя и выпил накануне всего два бокала красного вина.

– Что с тобой? Вид у тебя какой-то неважный, – спросила жена.

– Ничего! Отстань! – огрызнулся он. Потом взглянул на жену, она вся сжалась и, кажется, готова была разреветься. Иван обнял ее, погладил по голове. – Извини, мне кошмар приснился. Ужасный сон. Извини. – Он опасно покосился на то место на спинке кровати, куда во сне молотил кулаком. Там появилась небольшая вмятина.

Когда Иван ехал в отремонтированной машине на службу, он смотрел в тонированное окно на дома, улицы, людей, на дождь, который снова поливал город, на лужи на асфальте. Еще несколько дней назад мир был таким простым и понятным. Есть настоящее, прошлое и будущее. Все на своем месте: прошлое – прошло, будущее – еще не наступило, настоящее – вот оно, вершится в это самое мгновение. А сейчас настоящее было зыбким, будущее – туманным, а призраки прошлого готовы были ворваться в доселе спокойную Иванову жизнь. Раньше был сон, была явь, и эти явления никак не пересекались. Для каждой ипостаси бытия – свое время. Все четко. А сейчас что? Неряшливый философ-психопат Петр Вениаминович из сновидений более реален, чем водитель, который везет сейчас Ивана на работу, чем это кожаное сиденье, на котором Иван сидит. Чертовщина какая-то. И выбор, который был предложен Ивану во сне, почему-то казался более реальным и осязаемым, чем совещание, которое ему предстояло провести через несколько минут. И эта

вмятина... как из сна она переместилась в явь? Чертовщина!

Глава третья

После совещания Иван заперся в своем кабинете, попросил секретаршу никого к нему не пускать, достал из ящика стола листок бумаги, на котором гелевой ручкой были написаны имена некогда любимых женщин. Господи, сколько терзаний, радости, сомнений, ревности, удовольствий, счастья, разочарований связано с каждым из этих имен! Ивана захлестнули воспоминания. Некоторые из них до сих пор отдавались тупой болью. Он встал, достал из шкафа початую бутылку коньяка, плеснул в бокал, подошел к окну, отпил большой глоток, глядя на разномастные московские дома и бесконечно-серое небо. С кого же начать?

После пятнадцати минут размышлений и ста пятидесяти грамм коньяка Иван пришел к выводу, что логичнее всего начать со своей нынешней любовницы Лизочки Потаповой.

Раньше Иван запросто ей звонил, назначал свидания, а сейчас, когда на него была возложена миссия по спасению некой дамы, как-то разволновался. А вдруг это она и есть? Минуты две собирался с мыслями, прежде чем набрать знакомый номер. С Лизочкой Иван встречался раз или два в неделю и не замечал, чтобы она нуждалась в какой-то помощи, вроде у нее все было в порядке. Точнее, когда она нуждалась в помощи, он помогал ей незамедлительно. Впрочем, Лизочку Иван не видел уже недели две – был слишком занят,

да и на ее звонки толком не отвечал: днем – непрерывная чередой совещаний и переговоров, а по вечерам она не звонила – уважала семейную жизнь Ивана. Может, за это время у нее что-нибудь и произошло. Иван набрал номер Лизочки.

– Извини, не могу говорить. Я тебе перезвоню, – прошептала она скороговоркой.

Иван разозлился: она ему так нужна сейчас, а у нее, видите ли, какие-то дела. Что может быть важнее любимого мужчины? У Ивана было много работы, а он не мог на ней сосредоточиться, поскольку ждал звонка от Лизочки. С каждой минутой ожидания он злился все больше. Она перезвонила через час, когда был занят уже он. Он тоже прошептал скороговоркой, что перезвонит позднее. В итоге поговорить удалось только ближе к вечеру.

– Давай сегодня встретимся. – Предложил Иван. – Я соскучился, да и обсудить нужно кое-что.

– Да уж, нам есть что обсудить, – ответила Лизочка с неожиданной агрессией, – нам давно пора кое-что обсудить! Где и когда?

Иван назвал ресторан и время. У него, правда, возникло сильное желание от свидания отказаться, поскольку Лизочкин тон явно сулил выяснение отношений, чего Иван не любил и всячески старался избегать. Но он не отказался. Он здраво рассудил, что лучше уж с Лизочкой отношения выяснить, чем с Петром Вениаминовичем. С Лизочкой-то оно безопаснее как-то, к тому же предстоящий разговор нахо-

дился в рамках спасательной операции. Так что пришлось пойти.

С Лизочкой Иван познакомился два года назад – она брала у него интервью. Красивая, веселая, непосредственная девушка ему сразу понравилась. На ней была какая-то короткая юбчонка, из-под которой торчали худые, стройные ножки с острыми коленками. Может, она надеялась, что это выглядит сексуально, но это было скорее трогательно. Хотелось ее накормить – такая она была маленькая, тощенькая и бледненькая. У нее была какая-то удивительно светлая кожа. И вот на ее белом лице синели огромные глаза, обрамленные густо-накрашенными ресницами. Волосы тогда у нее были огненно-рыжие, длинные, буйные, непокорные. То ли фарфоровая куколка, то ли ведьма. Иван до сих пор помнил, какой шок он испытал, когда это хрупкое создание заговорило! Голос у нее был низкий, густой, немного хриловатый. Если бы Иван услышал его по телефону, подумал бы, что с ним разговаривает парень или, по крайней мере, зрелая женщина. Это безумное противоречие между ее внешностью и голосом восхитило Ивана, завело и подтолкнуло к активным действиям. Молодая журналистка отдавала распоряжения своему оператору и самому Ивану указывала, куда и как нужно сесть, куда смотреть, а он слушал и фантазировал, как он затыкает этой басистой сирене рот поцелуем. Теперь ему уже не накормить ее хотелось, теперь у него были другие желания.

Лиза работала на одном из окружных телеканалов. В те времена она только училась быть москвичкой и еще не говорила: «Понаехало тут!». Тогда она сама еще совсем недавно перебралась в столицу из крупного провинциального города, где была довольно популярной телеведущей и руководителем проектов. Снимала квартиру еще с двумя девочками, а в свободное время предавалась мечтам о головокружительной карьере и огромных деньгах, которые она непременно заработает. Пока же зарплата у нее была скромная, но она оптимистично считала, что это только начало большого пути. Она, правда, уже была несколько разочарована тем, что ее не взяли на работу ни на один из центральных каналов, а на окружном, куда ее в конце концов приняли, ее кандидатуру даже и не рассматривали в качестве ведущей. Пришлось Лизе снова «опуститься» до уровня простой журналистки и начать снимать репортажи. Ей казалось, что это пройденный этап, но, увы, пришлось все начать сначала... Иногда ей даже казалось, что она совершила ошибку, переехав в Москву: в своем городе несмотря на юный возраст она была личностью известной, со связями, репутацией и признанными заслугами, а здесь она пока была всего лишь провинциалкой, приезжей, одной из сотен тысяч таких же охотников за лучшей жизнью. Иногда она задавала себе вопрос: «Зачем? Зачем мне нужно было уезжать?». Когда Лиза увольнялась с работы, покупала билет на поезд до Москвы, собирала чемоданы, ей все было понятно: она выросла из своего горо-

да, здесь она достигла своего потолка, и теперь ей хотелось большего – больших возможностей и более широкого спектра перспектив. А оказалось, что возможности и перспективы гипотетически-то существуют, однако не подобрешься к ним и не ухватишь. Но Лиза не унывала. Она знала, что умна и талантлива и рано или поздно добьется успеха. Лучше, конечно, рано, чем поздно. Лизины подружки грезили об удачном замужестве. Мечтали окрутить какого-нибудь богатенького москвича и зажить настоящей столичной жизнью, какой она виделась им с экранов телевизоров, когда они еще обитали в своих небольших провинциальных городах. Дорогие наряды, драгоценности, машины, рестораны, бурная светская жизнь, салоны красоты, пластические операции, бесконечные путешествия... Большинство Лизиных подружек были одиноки, не удавалось им отхватить не то что богатенького мужика, а даже завалящего менеджера среднего звена из бывших провинциалов. А Лиза о мужчинах и не думала, она была занята карьерой и всего хотела добиться сама. Итак, Лизе мужчины были не нужны, зато она была нужна мужчинам. За ней постоянно кто-то пытался ухаживать, ее постоянно звали в кино, в театры, в кафе. Она иногда принимала приглашения, но отношения очень решительно переводила в дружеский формат. Не то чтобы она была недотрогой, мужененавистницей, не то чтобы она отрицала любовь, отношения и брак, просто не встречался ей пока такой, чтобы сердце ее затрепетало, чтобы впала она в любовную горячку,

чтобы он смог отвлечь ее от честолюбивых планов. Словом, не встретился ей еще тот, кого она бы полюбила.

Тогда после интервью Лизочка немного задержалась в кабинете Ивана. Оператор уже вышел, а она задержалась. Все медлила. Долго собирала свои блокноты, ручку, кассету. Они все не хотели помещаться в ее маленькую сумочку. Она видела, какое впечатление произвела на этого холеного, уверенного в себе мужчину. Она чего-то ждала от Ивана, почему-то ей хотелось, чтобы он сделал шаг ей навстречу. Почему-то ей хотелось, чтобы эта первая встреча не стала последней. Чем-то зацепил ее этот загорелый мужчина в неприлично дорогом костюме. И вот она медленно идет к дверям, оборачивается, встряхивает волосами, улыбается и говорит бодро:

– Да, забыла сказать, если захотите, можете посмотреть на себя: сегодня в 19.00, в это время у нас новости. Спасибо за помощь, всего доброго! – и она взглянула ему в глаза. На прощанье, в последний раз.

– Может быть, вместе посмотрим? – вдруг игриво предложил он.

– А что вы будете делать, если я соглашусь?

– Я буду безмерно счастлив.

– Хорошо, давайте посмотрим вместе. Я согласна. Где будем смотреть?

– Я бы с удовольствием пришел к вам в гости.

Она рассмеялась.

– Ну, если вас не смутит моя съемная, потрепанная хрущевка в Южном Бутово, бардак, маленький телевизор и две моих сожительницы, то добро пожаловать!

Он тоже засмеялся.

– Какой кошмар! Оказывается, красивые преуспевающие журналистки живут в таких ужасных условиях! А, может быть, бог с ним, с этим просмотром? Может, мы лучше отправимся в ресторан? Мне было бы гораздо интереснее поболтать с вами, чем смотреть на себя по телевизору. Я, в конце концов, и в зеркало на себя посмотреть могу. – Он очаровательно улыбнулся. – Ну, так как?

– Уговорили. – Лиза улыбнулась в ответ не менее очаровательно.

Они стали встречаться. Гуляли по улицам, сидели в кафе и ресторанах, целовались, держались за руки. Дальше их физические контакты не заходили. Иван чувствовал себя подростком рядом с этой смешной, наивной девочкой. Хотелось совершать подвиги ради этой хрупкой беззащитной малышки. Он снял для нее квартиру в центре, недалеко от дома, в котором он жил. Очень приличную квартиру. Она отказывалась, не хотела она жить на его деньги, но он ее убедил – им же нужно где-то встречаться. У него дома жена, у нее – две сожительницы. Некуда податься двум бедным влюбленным.

Опьянение любовью скоро закончилось, отношения стабилизировались, стали ровными и спокойными, появился график встреч. Иван старался, чтобы все было по расписа-

нию, по плану. Он опасался неожиданностей и сюрпризов, хотя когда-то был не прочь поучаствовать в каком-нибудь безумстве. Склонность эта, впрочем, осталась в прошлом, в почти забытых временах нищей юности. Спонтанные поступки в его жизни, безусловно, случались и теперь, но не приветствовались.

Лизочка была очень удобной любовницей. Она была красива. Причем красота у нее была особенная, необычная, сотканная из противоречий. Она сразу привлекала к себе внимание. К тому же в свои двадцать шесть лет выглядела она на восемнадцать. Она была страстная и изобретательная в постели. Она была умная. С ней он мог обсуждать даже свои рабочие вопросы – она все понимала и совет могла дать. Она умела слушать. Она умела сочувствовать. Она не выманивала у Ивана деньги и дорогие подарки. Она не вмешивалась в его семейную жизнь. Он был уверен, что Лизочка не станет звонить ему по вечерам, а тем более по ночам, не потревожит она его в выходные и в праздники. Он знал, что она никак не выдаст своего присутствия в жизни Ивана. Она не заводила вечную песню всех любовниц на тему «разведись с ней и будь со мной». Она радовалась тому, что имела. Она не устраивала скандалов и истерик, она ничего не просила и тем более не требовала. Она не была заиклена на Иване: у нее была своя жизнь, карьера. Она давно ушла с того окружного телеканала и теперь руководила спецпроектами на одном развивающемся кабельном канале. Она неплохо зарабатыва-

ла. Ивану с любовницей несказанно повезло. Но он, конечно, не ценил. Он воспринимал этот дар судьбы как должное. Потому что достался ему этот дар даром. В последнее время он не звонил ей, чтобы просто узнать, как у нее дела. Набирал ее номер только когда хотел ее ласк, когда ему нужно было пожаловаться на начальство, проблемы, здоровье. Отказывал ей, когда она просила о встрече, безусловно, исключительно по уважительным причинам: жена приболела, задерживается на работе, срочная командировка, простуда. Он не всегда отвечал на ее звонки, тоже, разумеется, в силу разных вполне уважительных причин. Она не роптала. Из чего Иван делал вывод, что Лизочку такое положение дел вполне устраивает. Поэтому ее сегодняшний язвительный тон Ивана удивил, насторожил, испугал.

Глава четвертая

Она возникла перед Иваном неожиданно. Он сидел за столиком и изучал меню. Он бывал в ресторанах почти каждый день и не по разу, но всегда выбор блюд был для него таинством, маленьким волшебством, предвещающим наслаждение. Сначала он почувствовал аромат ее духов, а потом появилась она. Он ее не сразу узнал. За время, что они не виделись, Лизочка состригла свои длинные роскошные рыжие волосы и покрасила их в черный цвет. Кажется, эта стрижка называется каре. Она была одета в маленькое черное платье, на шее – нитка жемчуга. Такая строгая и серьезная фарфоровая кукла. И роковая красавица.

– Ну, здравствуй, – сказала она своим низким хрипловатым голосом.

Иван подумал, что к этому невозможно привыкнуть, это всегда волнует. Иван поднялся, помог Лизочке сесть. Поцеловал ее в щеку.

– Ты такая красивая, – прошептал он.

Она поморщилась, будто он сказал ей гадость.

– Что у тебя с лицом? Наш мальчик подрался? Вступился за прекрасную незнакомку или сцепился с партнерами по бизнесу? Ты, вроде, раньше предпочитал более цивилизованные способы борьбы.

– Не знал, что ты такая стерва, – ухмыльнулся Иван, – как

это тебе удавалось скрывать так долго свою сущность?

– Так что у тебя с лицом?

– Ерунда, попал в небольшую аварию.

– Ой, извини. Я не знала. Почему ты не позвонил? С тобой все в порядке? – она, похоже, всерьез забеспокоилась.

– Как видишь, отделался легким фингалом. Ничего страшного. Успокойся. А можно поинтересоваться, почему ты так жестоко поступила со своими волосами?

– Тебе не нравится? – она тут же нахохлилась, надулась и приготовилась вступить за свой новый образ.

– Нравится, глупышка, только это так кардинально, что я тебя не узнаю. С чего это вдруг ты так решила измениться?

– Официально извещаю – я решила начать новую жизнь. Ты же знаешь, для нас, женщин, смена прически ведет к переменам в жизни.

– И что же ты решила поменять?

– А я, дорогой, решила стать плохой. Знаешь, мне наскучило быть хорошей, это неэффективно, это не приводит к достижению цели.

– А что у нас за цели такие? Какие цели могут быть у красивой женщины? Она должна порхать легкой птахой и украшать собой жизнь мужчины.

– Как низко ты меня ценишь! – ее взгляд полыхнул ненавистью. – По-твоему единственная функция красивой женщины быть игрушкой для мужчины? И это все? Больше она ни на что не годна?

– Малыш, я пошутил, ну что ты? Я же знаю, что ты у нас настоящая карьеристка и просто гений телевизионного искусства.

Было видно, что Лизочка приготовилась к новой атаке. В ее синих глазах была злоба. Иван не понимал, что происходит – такой он свою любовницу никогда раньше не видел. Она была забавным ласковым котенком, а сейчас перед ним сидела карликовая львица и явно собиралась его растерзать. Ивана спас официант, который подошел поинтересоваться, не готовы ли они сделать заказ. Иван, хотя еще ничего и не выбрал, но был готов, лишь бы не продолжать этот неприятный для него разговор. Его смутила смена ролей. Раньше он был покровителем, многоопытным мужчиной, советчиком, учителем, а она маленькой девочкой, воспитанницей, ученицей. Откуда этот подростковый бунт? Может, у нее, действительно, какие-то неприятности и она нуждается в помощи? Откуда эта агрессия?

Принесли вино. Иван поднял бокал:

– За тебя! Я очень рад, что ты у меня есть!

– Угу. – Произнесла она как-то сдавленно, отхлебнула вина, глубоко вздохнула и выдохнула, – а ведь ты за все это время ни разу не признался мне в любви. Я ведь даже не представляю, как ты ко мне относишься, какие у тебя планы относительно меня. Или, может, у тебя вообще нет никаких планов?

Иван молчал и с грустью смотрел на Лизочку. Правду он

ей сказать не мог. Как он мог сказать, что нет у него на нее никаких особых планов, что он даже не думал об этом, что она его вполне устраивает в роли любовницы, и ничего большего ему от нее и не нужно. Он полагал, что и ее все устраивает в их отношениях. Он полагал, что ему встрети­лась, наконец, женщина, которой нравится легкость нечас­тых встреч, отсутствие обязательств и долгов друг перед другом. Он полагал, что ему встрети­лась женщина, которая просто радовалась тому, что этот мужчина есть в ее жизни. Иван молчал. Он не мог придумать, что соврать этой жен­щине, сидящей напротив, в глазах которой отчетливо звуча­ла мольба и надежда. Пауза затягивалась. Лизочка порылась в сумке и швырнула на стол ключи.

– Что это? – спросил Иван. Ответить Лизочка не успела – официант принес заказ и начал церемонно расставлять тарелки на столе. Когда он удалился, Иван повторил вопрос:

– Что это? – он кивнул на ключи.

– Это ключи от квартиры, которую ты для меня снимал. Я вчера переехала.

Иван уронил нож. Подозвал официанта, попросил прине­сти водки. Да побыстрее. Пожалуйста.

– Что все это значит? – спросил он наконец. Почти крик­нул.

Лизочка допила остатки вина в бокале, взглянула в бешеные Ивановы глаза и произнесла:

– Только не перебивай меня... не перебивай... Я ухожу от

тебя. Хотя как я могу уйти, если мы и не жили вместе? Нет, но все равно я уйду. Вернее, уже ушла из той квартиры. Короче, я решила, что больше не буду с тобой встречаться. Все кончено. Спасибо, что выслушал.

Ивану принесли водки в графинчике. Он выпил.

– Могу я, по крайней мере, знать, почему? Все же было хорошо.

– Тебе показалось.

– А что было не так? Я не понимаю. Я не понимаю! Ты завела другого мужика? Да? Я прав? Ну, хорошо же все было?

Лизочка молчала. Ела свой салат. На Ивана не смотрела. Он выпил еще стопку. Тоже принялся за еду.

– Драма драмой, а есть все равно хочется, – глубокомысленно изрек он. – Вот ведь как устроен человек. Первичные потребности есть первичные потребности. И все-таки, почему ты меня бросаешь?

– Я расскажу. Расскажу. Только не перебивай, ладно. Мне непросто далось это решение. – Она отпила еще вина. – Очень непросто. Я как представлю, что больше тебя не увижу, мне жить не хочется. Мне страшно, я не знаю, какой будет моя жизнь, в которой не будет тебя.

– Тогда зачем? Зачем?

– Я, кажется, просила меня не перебивать! – сейчас она не была похожа на фарфоровую куклу. Сейчас она была роковой женщиной, которая могла запросто решить судьбу мужчины. – Понимаешь, я ведь девочка-карьеристка. У меня

небогатые родители, хотя даже не в этом дело. Да бог с ним, что у меня не было приличной одежды и обуви, и ели мы в основном макароны с картошкой. Это не важно. Хотя и не слишком приятно. Они не реализовались, понимаешь? Отец всю жизнь жалел, что не получил высшего образования, а мать... ну, она из тех женщин, что рано махнули на себя рукой, перестали следить за собой, рано, не то чтобы постарели, а увяли что ли... Если бы ее нарядить, отвести в салон красоты, она бы и сейчас красавицей была. Так вот, работала она всю жизнь, где придется, ну просто потому, что так принято – работать, ну и деньги кое-какие в семью приносила, дома – хозяйство, старалась, чтобы все накормлены были, обстираны, обглажены. Да еще участок у нас – там тоже впахивала, и мне, конечно, доставалось. Как я ненавидела эту дачу! Как я ее ненавидела! В общем, я не хотела жить так, как живут мои родители. Отец говорил: «Учись, дочка, выбивайся в люди!». И вот я дала себе слово, что у меня будет другая жизнь, что я вырвусь из этого круга, что я стану богатой и знаменитой. Причем, я такая наивная дурочка, что решила непременно всего добиться сама, без помощи мужчин. Вернее, я не сразу к этому пришла. Был у меня один помощник..., – Лизочка закрыла лицо руками. Помолчала, потом продолжила говорить все так же, с закрытым лицом. – Он был намного старше. Такой, знаешь, здоровенный, мордатый, я даже не знаю, как я в такого умудрилась влюбиться. Он такой веселый, такой живой, что ли... шутил постоянно.

Шутки, конечно, были казарменные, простецкие, но от него такая энергия шла. Такое обаяние. – Лиза убрала руки от лица. – Щедрый очень был. Денег не считал. Хочу я шампанского, он самое дорогое покупает. Или однажды гуляли мы зимой, я в пуховичке была, замерзла, так он затащил меня в магазин и шубу купил, чтобы я согрелась. Пешком он, конечно, практически не ходил, но мне в тот день прогуляться захотелось. Были у него какие-то политические интересы, купил он телеканал, ну а я там, конечно, была ведущей. И все было замечательно. Он был женат, но меня это не слишком беспокоило, поскольку я тогда была еще очень молода и замуж не собиралась, тем более за него. Он же ураган, вулкан, стихийное бедствие, в общем. Мне кажется, он и побить мог. Ревнивый очень был. Дай ему волю, так он и в паранджу бы меня нарядил. А потом все закончилось. Совершенно неожиданно. Внезапно, так, наверное, точнее. – Она замолчала, снова закрыла лицо руками.

– И что случилось? – осторожно спросил Иван.

– Позвонил однажды и сказал: «Все, детка, ты уволена!».

– В каком смысле?

– А во всех. С телеканала уволена и из любовниц уволена. Попросил написать заявление об уходе по собственному желанию и исчезнуть из его жизни. И еще сказал, что если я начну скандалить, выяснять отношения, названивать ему, то мне хуже будет. «Лучше уметайся подобра-поздорову!» – так и сказал.

– И ты умелась?

– Да. А что мне было делать? Налей мне тоже водки. – Иван плеснул ей водки прямо в бокал для вина – не стал дожидаться официанта. Лиза неловко выпила, скривилась, закусила салатом. – Мерзость редкостная, – сказала она, – закажи еще.

Иван подозвал официанта. Лиза молчала. Иван и не догадывался, что у этой хрупкой куколки в жизни уже была настоящая драма. Он вдруг понял, что вообще ничего не знает о женщине, с которой был близок два года. Она всегда интересовала его только непосредственно в момент присутствия. Здесь и сейчас. Он никогда не думал о ее прошлом, да и ее будущее Ивана, признаться, не слишком волновало...

Принесли водки и маринованных белых грибов. Выпили молча. Лиза снова скривилась. Потом заговорила:

– Тогда я и дала себе слово, что больше никогда не влюблюсь. Больно это слишком. Сначала хорошо, а потом больно. А он... Он нашел себе новую игрушку, девочку то есть. Мне потом рассказали, что он берет любовницу ровно на два года, а потом меняет. Он машины меняет раз в два года и девочек... тоже. Такое у него жизненное кредо. Принципы такие. Пошла вон и все тут. И его совершенно не интересует, что девочка, она живая, что ей может быть плохо, когда ее вышвыривают за борт, что она страдать может. Нет, такие подробности его не колышут. – Лиза снова закрыла лицо руками, а когда открыла, Иван заметил, что в глазах у нее сто-

ят слезы. – Вот такой у меня был возлюбленный... В общем, я решила, что больше никого никогда не полюблю. Устроилась на другой телеканал, слава богу, я успела приобрести некоторую известность, и меня взяли без проблем. Там тоже была ведущей. Потом поняла, что больших денег на телевидении в нашем городе не заработать, даже если по двадцать пять часов в сутки пахать. И вот я здесь. Очередная покорительница столицы. – Лиза усмехнулась. – Понаехала тут... К чему я тебе все это рассказываю? Ах да... Я думала только о работе, только о своей цели. Никаких мужчин. Я была убеждена, что не стоят они ни моего внимания, ни моего времени. А тут ты... Я ведь не просто так с тобой, я ведь тебя люблю... Давай еще выпьем.

– Ты так напьешься, – предупредил Иван.

– Ну и что? Я сегодня хочу напиться. В хлам, до поросычьего визга. У меня знаменательный день – я расстаюсь с любимым мужчиной.

– Малыш, ну зачем? Зачем тебе это?

– Ты собираешься развестись с женой и жениться на мне? – Лизочка ждала ответа. Иван молчал. Она смотрела ему в глаза. Взгляд был злой и решительный. Губы сжаты.

– Ну, может быть, – замямлил Иван, – я не исключаю такой возможности.

– Мальчик мой, я хочу услышать правду. – Сказала она таким жестким тоном, что Иван сжался, хлебнул еще водки, закашлялся, а потом произнес очень тихо:

– Нет.

Лизочка расхохоталась.

– А знаешь, – сказала она, просмеявшись, – ты смелый мужчина, не каждый отважится сказать такое женщине прямо в лицо. Нет! Нет! Нет! Это как удар хлыста. Выстрел. Нож в сердце. Такое коротенькое слово – «нет». Вот и нет больше надежд. Вот и нет больше прошлой жизни, вот и нет больше пути назад. Рубикон перейден, все мосты сожжены. Все-все мосты сожжены. – Из глаз Лизочки хлынули слезы. Она не пыталась их сдерживать. – Вот тебе и ответ на твой вопрос. Он в твоём «нет». Ты не хочешь на мне жениться, а я хочу жить с тобой, я хочу таких простых вещей: просыпаться с тобой в одной постели, готовить тебе завтрак, черт возьми, я бы даже твои носки с радостью постирала! И рубашки бы погладила. Только нет у меня такого счастья. Господи, так все просто и так невозможно!

– Взвыла бы ты от рубашек-то, – вставил Иван.

– К сожалению, я никогда этого не узнаю. Не суждено. Ну, все, ты просил меня объяснить, почему я тебя бросаю, я объяснила. Еще вопросы есть?

– Я все равно не понимаю. Почему мы не можем оставить все как есть? Я очень не хочу тебя терять. Ты дорога мне. Ты очень мне дорога!

– Не надо! Прошу тебя, не надо! Ты такой же, как он! Ты меня просто используешь! Ты просто пользуешься мной! Тебе же нет никакого дела до меня! Я для тебя лишь красивая

кукольная оболочка, я для тебя лишь тело, которое дарит тебе наслаждение, когда ты этого пожелаешь. Конечно, ты не хочешь меня терять. Пока не хочешь. Ты мне еще в любви, наконец, признайся! Ну, скажи: «Я люблю тебя, малыш!» и посмотри мне в глаза нежно. О! Тогда я растаю, поверю и уж точно оставлю все как есть. А что же будет потом? Не знаешь? А я знаю. Потом, когда я тебе надоем, ты мне скажешь: «Ты уволена!». Нет уж, я тебя опережу – это ты уволен! Это ты уволен!

Лизочка кричала. На нее начали оборачиваться.

– Успокойся, ты пьяна, – прошипел Иван.

– Да, я пьяна и очень, очень, очень несчастна. Как мне плоооохо! – взвыла Лизочка.

– Чем я могу тебе помочь? – ему было тоже очень плохо и хотелось, чтобы эта пытка поскорее закончилась, но он вдруг вспомнил о своей миссии: он же должен спасти женщину. Лизочку явно нужно было спасать. Но как? Жениться на ней? Пожертвовать собой? Пожертвовать покоем еще одной женщины, то есть жены? А как потом ее спасать? Ее ведь потом тоже придется спасать. Вроде ведь ничего особенного не сделал. Ну, подумаешь, влюбился, завел любовницу... Ну, все же так живут. Почему все так запуталось? Сбежать бы отсюда. Да шут с ней, с этой Лизочкой, это она его бросает, а не он ее. Он пострадавшая сторона. Его нужно спасать и жалеть, а не ее. Что он плохого-то ей сделал? В хорошей квартире поселил, подарками заваливал, в дорогие рестора-

ны водил. Ну и что с того, что он жизнью ее не интересовался? Так ведь ему и собственной жизнью заниматься некогда, все работа да работа. Ну и что с того, что не собирался он на ней жениться? Да, может, и женился бы, если бы в России было разрешено многоженство. Так ведь нет, не разрешено. У него есть уже жена, и она его вполне устраивает. Сбежать. А Петр Вениаминович? Опять ведь заявится, опять начнет есть мозг. От него не скроешься. Да что ж такое-то? Да за что все это? Такие мысли метались в Ивановой голове, пока он ждал, что скажет Лизочка.

– Да, ты можешь мне помочь, – устало прошептала она сквозь слезы, – дай мне уйти. Отпусти меня. Не напоминай о себе. Не пытайся меня вернуть пустыми обещаниями. Мне будет и так нелегко без тебя.

– Но мне ведь тоже будет тяжело без тебя. Тогда зачем? Зачем?

– Я все решила. Какая судьба меня ждет с тобой? Быть вечной любовницей? Умирать от ревности к твоей жене? Проводить выходные и праздники в одиночестве? И непрерывно мечтать, мечтать, что когда-нибудь ты будешь только моим. Жить глупыми надеждами. Заводить любовников, чтобы почувствовать себя нужной хоть кому-то. А потом ненавидеть себя, тебя, весь мир. Заниматься самокопанием, чтобы понять, что же во мне не так? Почему же ты не говоришь мне о своих чувствах, почему же ты не подпускаешь меня к себе близко? Почему ты не хочешь находиться рядом

со мной постоянно? Вот так я и жила эти два года. Ты хочешь для меня такую судьбу?

– Я думал, ты счастлива.

– Как видишь, я не была счастлива. Прости, если в чем-то перед тобой была виновата. А теперь дай мне уйти.

– У тебя кто-то есть?

– Нет, но будет, обязательно будет. Знаешь, я решила, что быть благородной, порядочной, это плохо. Это анахронизм какой-то. Это так несовременно. Знаешь, если мне еще встретятся такие мужчины, как ты, богатые и влиятельные, я буду их использовать. Они меня, а я – их. Деловые отношения с сексуальным оттенком. А вот любить я этих мужиков не буду.

– Не делай так. Это ведь проституция. Ты же не такая. Да ты так и не сможешь, поверь мне. Ты ведь тоже это знаешь. – Иван взял руку Лизочки, начал ее целовать. Лизочка руку не отняла. – Встретится тебе мужчина, с которым ты будешь счастлива. – Сказал Иван, когда оторвался от Лизочкиной руки. – Жаль, что у меня не получилось. Мне, правда, жаль.

– Я пойду. – Лиза высвободила руку и поднялась, повертелась перед Иваном. – Ну, запомни меня молодой и красивой. Я надеюсь, что ты выполнишь мою просьбу, и мы больше не увидимся.

Иван тоже поднялся.

– Хоть поцеловать-то тебя можно на прощанье?

– Целуй, ладно уж, – разрешила Лизочка.

Иван обнял ее и осторожно поцеловал в губы. Нежно. Лизочка вырвалась.

– Все, хватит, иначе я не смогу уйти. Я люблю тебя. Прощай! – девушка почти бегом кинулась к выходу.

Иван сел и допил водку.

Глава пятая

– Кхе-кхе, – услышал Иван чье-то покашливание и проснулся.

Петр Вениаминович сегодня был наряжен в старые, тертые джинсы и застиранную, утратившую краски, клетчатую байковую рубашку. На голове красовалась веселенькая рыжая бейсболка с надписью «сквозняк». Бабочка, разумеется, тоже в наряде присутствовала – жизнерадостного оранжевого цвета. Видимо, подобрал специально под головной убор.

– Гармонично, вы не находите? – поинтересовался Петр Вениаминович, перехватив взгляд Ивана.

– Да, пожалуй, – пробормотал Иван. – Чем обязан? Кажется, я уже начал выполнять ваши требования. Чего вы еще от меня хотите?

– Ну-ну, молодой человек, не стоит так горячиться. Посмею вам напомнить, что речь шла вовсе не о требовании, а о просьбе. Еще, если мне не изменяет память, во время нашей последней встречи я и на выполнении просьбы своей не настаивал. Вы сами приняли такое решение. Добровольно. Не будете же вы утверждать, что я каким-то образом принудил вас?

– Хммм, – усмехнулся Иван, – мне показалось, что элемент давления в моем так называемом добровольном решении все же присутствовал. Мне даже показалось, что мне

некоторым образом угрожали. Хотя, очевидно, только показалось.

– Полноте. Кто старое помянет... Я пришел к вам как друг.

– Ах, так мы друзья! Извините, не знал. Даже не подозревал, уж не обессудьте. Как я мог не заметить появления в моей жизни нового друга! Ая-яй!

– На мой взгляд, ирония здесь не уместна, молодой человек, ибо я действительно ваш друг. – Петр Вениаминович одарил Ивана взглядом, полным добродушия и самого искреннего расположения. Он выудил из кармана своей рубашки сигару, церемонно закурил. – А я, пожалуй, и выпить не прочь. – В руке у Петра Вениаминовича возник пузатый бокал с коньяком. – Здоровье, к сожалению, уже не позволяет, слишком часто употреблять коньячок, но иногда я себе разрешаю это маленькое удовольствие. А вот в молодости я был любитель, знаете ли... А потом доктора запретили. И мне, стареющему сибариту, пришлось выбирать либо сигары, либо коньяк. Согласитесь, непростой выбор. Проще умереть, чем вовсе лишиться радостей жизни. Много ли у пожилого человека удовольствий? Я выбрал сигары, но слаб, слаб и коньячком иногда балуюсь. В свое оправдание могу лишь сказать, что редко себе позволяю праздники в виде бокала хорошего коньяка.

– С чего это вам вздумалось передо мной оправдываться? – проворчал Иван. – Вы полагаете, мне есть дело до того,

с какой периодичностью вы употребляете спиртные напитки?

– В том-то и беда, молодой человек, что вам вообще мало до кого есть дело. Нда... Девушка вот рядом с вами два года маялась, страдала, а вы и не заметили...

– Слушайте, без вас тошно! Не надо мне нотаций, взываний к моей совести! Как умею, так и живу! Вас послушать, так я изверг какой-то. Самый главный злодей на планете. Душегуб просто! – огрызнулся на Петра Вениаминовича Иван.

– Вы себя переоцениваете. Хе-хе. Обыкновенный средне-статистический негодяй. – Петр Вениаминович гаденько захихикал. – Шучу, шучу. Я, собственно, заглянул, дабы вам свое сочувствие выразить, поддержку всяческую оказать, это ведь какая неприятность, когда вас бросают. Нет, пардон, неправильно выразился, это ж какая несправедливость!

– Издеваетесь? – у Ивана возникло сильнейшее желание схватить Петра Вениаминовича за жирненькую шею и придушить.

– Отнюдь, – Петр Вениаминович очаровательно улыбнулся, отчего стал похож на злобного клоуна. – Мне вас искренне жаль. Тоже такое в моей жизни бывало, чего уж там... И даже не раз... Внешность-то у меня... Не принц, прямо скажем, не принц... Нда... Обаяние, правда, харизма, да на женщин разве угодишь? Все им не то, все не так. Сами не знают, чего хотят, идеал им подавай, а где ж его взять-то? Существование идеальных мужчин наукой не доказано. А ес-

ли предположить, что вдруг заполучат они такой экземпляр, как они себя поведут?

– Как? – эхом отозвался Иван.

– Начнут ныть, что им скучно с таким хорошим – прекрасным, что тошнит их от его совершенства, от его заботы, ласки, внимания. И станут мечтать о плохом мальчишке, о хулиганье каком-нибудь, с которым, однако, им временами будет весело. И за эти мгновения веселья, праздника жизни они будут терпеть его хамство, издевательства, унижения. О, женщины! Загадки! Дуры набитые! Ангелы! Стервы! Страдалицы! Мучительницы! Плутовки! Красавицы! – Петр Вениаминович сделал изрядный глоток коньяку и заулыбался блаженно, очевидно, предаваясь приятным воспоминаниям. – А я, знаете ли, по молодости-то был дамский угодник.

– Бабник, вы хотели сказать?

– Фу, как грубо, молодой человек! Ох, уж эти современные мужчины! Ничего-то они не понимают ни в женщинах, ни в жизни! То все усложняют, запутывают, то упрощают до примитива. Задача бабника, понимаете ли, завоевать женщину, и как только цель достигнута, вершина покорена, он устремляется в погоню за новым трофеем. Или же это просто сексуально невоздержанный тип. А дамский угодник – это явление иного порядка. Его цель – подарить даме удовольствие, удовлетворение, если хотите, а главное – счастье. Счастье! – Петр Вениаминович многозначительно поднял сига-

ру.

– Удавалось? – скептически поинтересовался Иван.

– Вообразите себе, да. А ваш сарказм, юноша, вызывает у меня недоумение, если не сказать больше – негодование! Я, безусловно, не всемогущ, и не всегда у меня получалось добиться во взаимоотношениях с женщиной положительного результата, то есть сделать ее счастливой, но в основном я справлялся с поставленной задачей. Да, могу это констатировать. Не без гордости, кстати.

– И что же нужно женщине для счастья?

– Вынужден вас огорчить – универсальных рецептов счастья еще не придумано. Слишком тонкая материя, слишком индивидуальная, слишком все от личности зависит. Вам вот, насколько мне известно, счастье представляется в виде симпатичной вилочки средних размеров на Лазурном берегу. Которая в свою очередь является для вас как символом престижа и успешности, так и местом, где бы вы могли на время спастись от суеты и насладиться покоем. Но в тоже время иметь возможность в случае необходимости пообщаться с представителями вашей касты, то есть с теми, кто тоже имеет домики на Лазурном берегу. Хотя, должен заметить, что как только мечта ваша сбудется, вам будет казаться, что счастье в чем-то другом, что вы жестоко ошиблись с выбором внешнего объекта счастья. Вы придумаете себе новую мечту. Новую химеру. Погонитесь за ней, а она снова окажется пустышкой.

– Так что же, счастье невозможно?

– Отчего же? Возможно. Просто мы, как правило, не там ищем.

– И где его нужно искать?

– Может быть, вам еще все тайны мироздания раскрыть?

Преподнести, так сказать, на блюдечке с золотой каемочкой? Не слишком ли много вы хотите? Хотя ладно, я сегодня добрый. Вот здесь надо искать подлинное счастье, – он коснулся бокалом с остатками коньяка своей груди. – В себе. Большего сказать я не имею права. Не уполномочен. А что касается Лизочки, вы уж извините, что снова беззастенчиво топчусь на вашей больной мозоли, то ей и нужно-то было для счастья всего лишь ваше внимание. Ей нужно было от вас получить подтверждение собственной ценности, значимости и значительности. И еще немного заботы и ласки. А кем она себя с вами чувствовала? Куклой, игрушкой, которую вы купили, которую могут где-то забыть, выбросить, когда она потеряет товарный вид или когда вы с ней наиграетесь. Как она вам сказала: «Это ты уволен!»? Она и жила два года под дамочловым мечом этого страха быть уволенной, вышвырнутой из вашей жизни. Увы и ах, но вы давали ей повод для подобного рода опасений. Житьем-бытьем ее не интересовались, планов не строили, появлялись только, когда вам этого хотелось, а когда ей было одиноко, вас рядом не было. И никаких перспектив, никакого совместного будущего. Эта малышка очень сильная женщина. Она ведь вас не пилила, ни-

чего не требовала, денег у вас не брала. А когда терпеть стало совсем невмоготу, она решила уйти. Спастись бегством. И ведь честно с вами поступила, благородно, объяснила свои мотивы и причины. А вы что же? Обиделись, взбеленились, разозлились. А должен ведь был поблагодарить ее за то, что она столько времени дарила тебе себя, ничего не требуя взамен. Эх, Иван Сергеич, Иван Сергеич!

– Она меня бросила! – вскричал Иван. – Меня! Бросила! А я ей еще спасибо должен говорить! Вы меня за идиота держите? Или вы сам идиот?

– Мне бы сейчас тоже рассвирепеть, да вызвать на дуэль дерзкого, зарвавшегося мальчишку, оскорбить вас в ответ, поставить вас на место, остудить ваш пыл, окатить вас ледяным душем, дабы умерить ваш пыл. Поверьте, я мог бы пролить на вас ведро воды, лишь щелкнув пальцами, но я не буду этого делать. Ибо, все это действия, не достойные мудреца, коим я, безусловно, являюсь. Черт, коньяк, кончился. Пожалуй, я еще выпью. Видите ли, беседы, которые принято именовать дружескими, меня совершенно изматывают. Надобно как-то укрепить свой дух. – В бокале Петра Вениаминовича чудесным образом появилось еще грамм сто пятьдесят коньяка. – Может, и вам налить?

– Не откажусь, пожалуй.

– Ну, вот и славненько. Прошу прощения, что не предложил вам раньше, но я взял на себя смелость предположить, что вы и так уже изрядно набрались в ресторане во время

драматичного прощания с вашей прекрасной любовницей.

На прикроватной тумбочке возник еще один бокал. Иван взял его в руки, покрутил, понюхал темно-коричневую жидкость, что плескалась в нем.

– Это настоящий коньяк, не беспокойтесь. Французский. Пейте-пейте.

Иван выпил. Подумал, будет ли похмелье, если напиток во сне?

– Я вполне понимаю вашу ярость, ваше негодование, – вкрадчиво произнес Петр Вениаминович. – Большинство людей в аналогичных обстоятельствах ведут себя точно так же. Позволю себе восхититься вашей сдержанностью: не каждый отпустил бы любимую женщину без скандала, упреков и обвинений. Да, она все решила за вас. Соглашусь, это не слишком приятно и даже в некотором роде оскорбительно. Представляю, каково это быть пешкой в чужой игре. Тем более что вы-то воображали, что игра – ваша, пешка – это она, а вы король. А что было делать бедной девочке? Как бы она вас ни любила, она повиновалась инстинкту самосохранения, потому и бежала от вас. Сумейте ее понять, так как я вас понял сейчас. Повторюсь, она сделала выбор за вас, но и у вас есть выбор: простить Лизочку или позволить злобе пожирать вас. Да, кстати, вы, надеюсь, уже догадались, что спасти нужно не ее? Она сама сумела о себе позаботиться. Настоятельно советую вам продолжить поиски. – Из взгляда Петра Вениаминовича вмиг исчезло все добродушие. Он

больше не напоминал клоуна в фермерской одежде. Он снова был опереточным Мефистофелем, загадочным и зловещим. Он поднял свой бокал. – Ну-с, ваше здоровье!

Петр Вениаминович исчез, а бокал в руке Ивана остался. И коньяк остался. Иван его допил и заснул с ощущением deja vu. Было уже сегодня такое, только в первый раз после ухода Лизочки он допивал водку. И еще одна мысль мелькнула в его сонном мозгу – что человек все-таки уникальное животное, даже к дурдому, в который внезапно превращается его жизнь, он может привыкнуть. Иван уже начал привыкать.

В конце следующего рабочего дня Лизе Потаповой, руководителю спецпроектов развивающегося кабельного телеканала, девушке с опухшими от слез глазами, тонкий, смазливый юноша в униформе посыльного вручил красный подарочный пакет. В нем она нашла деревянную шкатулку, инкрустированную перламутром. В шкатулке Лизочка обнаружила лиловую бархатную коробочку. В коробочке покоилась цепочка белого золота. На цепочке белого золота сверкала подвеска в виде сердечка, усыпанная бриллиантами. Ставшие сегодня узкими, разнесчастные Лизочкины глаза тоже восхищенно засверкали. Кто сделал ей такой великолепный подарок? Лиза еще раз заглянула в пакет. В нем лежал еще и конверт. Девушка торопливо вскрыла его. Там была записка следующего содержания:

«Милая!

Хотя, нет, не просто милая. Любимая!

Я ведь тебя все же люблю, хотя и не имел смелости в этом признаться. Люблю. Я легкомысленный болван. Я втянул тебя в эти отношения, не думая о последствиях. Я эгоист. Прости меня, дурака! За все прости. Надеюсь, что ты будешь счастлива, что у тебя будет все, о чем ты мечтаешь. Ты этого заслуживаешь. Ты ведь редкая женщина: прекрасная, умная, талантливая, честная, порядочная. Ты великолепна! Жаль, что я не смог тебя удержать. Я выполню твою просьбу и не буду больше тебя беспокоить, хотя это и нелегко. К сожалению, я не могу дать тебе того, чего ты хочешь. Но помни, что ты всегда можешь рассчитывать на мою помощь.

Люблю. Целую. Иван-дурак».

После прочтения записки Лизочка снова разрыдалась. На сей раз от умиления. Какой же замечательный Иван человек! Почему он не встретился ей раньше, когда еще был свободен? Лизочка рыдала долго, самозабвенно. Когда она ехала домой в такси, глаза ее прикрывали темные очки, а в голове светились мысли: все будет хорошо, все непременно будет хорошо! Не все мужчины козлы и сволочи. Способны они и на благородные поступки! Эти мысли расцветивали мокрые осенние московские улицы, темные силуэты пешеходов, весь мир. Он прекрасен, этот мир! И свобода прекрасна!

В это же самое время благородный рыцарь Иван сидел в своем рабочем кабинете, обхватив голову руками, и блуждал по просторам своего разыгравшегося вдруг воображе-

ния. Он представлял, как Лизочка рассматривает его подарок. Он представлял ее огромные синие глаза, видел, как они наполняются сначала удивлением, потом радостью, потом восхищением, потом болью. Он представлял, как она примеряет сияющую подвеску. Он вспоминал ее длинную шейку, узкую спину, маленькие ручки, тоненькие трогательные ножки. Он прощался со своей девочкой. Со своей фарфоровой куклой с низким, хрипловатым голосом. Она плачет, наверное. И он, Иван, причина ее слез. Как глупо все. Ничего, его малышка переживет эту утрату. Он уверен в этом. Она сильная, эта малышка. Все у нее будет хорошо.

Иван достал из ящика стола список своих некогда любимых женщин и вычеркнул из него Лизочку Потапову.

Глава шестая

Машка Аверкиева стала художницей, довольно известной в определенных кругах. Собственно, она давно уже была не Машкой, а Мари, и не Аверкиевой, а Арно. Вот так, Мари Арно – модная художница. Детективу, которого нанял Иван для поиска своих женщин, пришлось изрядно потрудиться, прежде чем ему удалось обнаружить Машку. Биографию она имела витиеватую, со сложным переплетением многочисленных сюжетных линий. Только официальных замужеств в ее послужном списке имелось четыре, и неизменно Машка брала фамилию своего очередного мужа, что, безусловно, осложняло поиск. К тому же, «Арно» – ее псевдоним, и среди представителей бомонда она была известна именно под ним. В итоге Машка все-таки нашлась, причем, совсем рядом: обитала она всего в двух кварталах от Ивана. Удивительно, что они ни разу не встретились, хотя, может и встречались, да не узнали друг друга, сколько лет-то они не виделись. Много, очень много...

– Да! – услышал Иван бодрый, резкий голос.

– Могу я поговорить с Мари Арно?

– Ну, слушаю!

– Я хотел бы приобрести что-то из ваших картин. Это возможно?

– Да запросто. Приезжайте.

– Вот так просто?

– А к чему нам сложности? Мне деньги нужны. Сажу на мели. Уже третий день даже коньяку не на что купить. А какое творчество без коньяку? Так что я вас жду. Да поторапливайтесь.

Когда Иван положил трубку, он подумал, что произошло какое-то недоразумение, что неуместно откровенная женщина-алкоголичка, с которой он только что говорил по телефону, не может быть Машкой Аверкиевой, голубоглазой нежной девочкой, которую он помнил...

С Машкой Иван учился в художественной школе. Было это в маленьком провинциальном старинном городке. Иногда, в состоянии блаженной ностальгии, подкрепленной серьезной дозой спиртного, он любил рассказать о своей исторической родине приятелям, дабы продемонстрировать, из какой грязи он вылез в князи. Грязь в его родном городке действительно была выдающаяся – чистейший чернозем: жирный, вязкий, вездесущий. Лишь в избранных местах он был обуздан разбитым асфальтом или деревянными тротуарами, иначе грязь была бы совсем уж непроходимой. Иван до сих пор с ужасом вспоминал свои коричневые резиновые сапоги, которые ему приходилось носить осенью и ранней весной. В приличной кожаной обуви по улицам ходить было невозможно. Да и не было у него приличной обуви. А металлическое корыто перед входом в школу снилось ему обычно накануне важных сделок. В этом корыте надлежало мыть

обувь. Для этих целей в нем торчали палки с намотанными на них тряпками. И вот эти тряпки школьники окунали в мутную темную воду и размазывали грязь на своих башмаках. Но это было не самое страшное. Кошмар начинался, когда кто-то из местных хулиганов с утра пребывал в игривом настроении. Эти мерзкие мальчишки могли начать кидаться палками с тряпками, могли снять с кого-то шапку и утопить ее в корыте, могли обрызгать жуткой водой из корыта. Они были крайне изобретательные, эти хулиганы. Каждый день по дороге в школу Иван мечтал, чтобы вся шпана дружно решила прогулять занятия или проспала бы. А еще он всерьез подумывал о шапке-невидимке, чтобы проскальзывать в класс незамеченным. Ваня слишком не вписывался в антураж захудалой школы, которая среди других образовательных учреждений города пользовалась дурной славой. Это была бандитская школа. Здесь даже девочки умели драться: и не то чтобы как-то заурядно вцеплялись в волосы или царапались обломанными ногтями, а могли и в морду запросто дать, причем кулаком. Драться им приходилось в основном с мальчишками, поэтому им ничего не оставалось, как научиться обороняться. Это была настоящая школа выживания... А Ванечка перед первым классом мало что знал о реальной жизни и реальных детях. В детский сад он не ходил – его воспитывала бабушка со стороны матери, бывшая учительница русского языка и литературы. Она так глубоко посеяла в нем семена разумного, доброго, вечного, что он

долго не мог поверить, что есть семилетние мальчики и девочки, которые ничего не слышали о Питере Пене, Мэри Поппинс, Квазимодо, Гюго, Шекспире. Он даже и помыслить не мог, что на свете существуют семилетние мальчики и девочки, которые не умеют читать и писать. Он не представлял себе, что мальчики и девочки могут говорить друг другу гадости и обзываться нехорошими словами, драться. Ванечка был единственным ребенком в семье, к тому же поздним, любимым, заласканным, зацелованным. В эту ужасную школу родители, конечно, свое дитяtko отдавать не хотели, но была она рядом с домом, а остальные были далековато. Общественный транспорт в городке, конечно, существовал – по улицам пыхтело несколько старых, скрипучих автобусов, но ходили они крайне редко, с периодичностью, которую никак не удавалось систематизировать, можно было просто-таки на остановке полчаса и так и не дожидаться вожделенного транспортного средства, плюнуть и пойти пешком. И даже если повезло, и громыхающая развалина подкатывала к остановке, попасть в нее было непросто: автобус штурмовала толпа разозленных ожиданием людей. Позже Ваня узнал, что городок их, несколько веков назад был основан как военное поселение, и жители его были потомками служивых людей, осады и обороны, видимо, были у них в крови, так что автобус был для них, как крепость, которую непременно нужно взять. Желательно с боем. Словом, на семейном совете родители, бабушки и дедушки решили, что не сто-

ит Ванечку подвергать ежедневному стрессу под названием «Общественный транспорт» или же заставлять его тащиться пешком несколько километров, и постановили отдать его в ближайшее учебное заведение, идти до которого было всего минут десять. «Я сам там учился и ничего, только сильнее стал, я и за себя постоять могу, и образование там, кстати, дают хорошее, как ни странно. Так что и Ванька там поучится, ничего с ним не случится», – сказал отец и своими словами окончательно решил судьбу сына. Ванечку били одноклассники. Его очки и ухоженный вид слишком их раздражали. Когда Ванечку били, он почти не сопротивлялся: мама и бабушка внушили ему, что драться плохо. Однажды, когда он в очередной раз вернулся из школы с разбитой губой и в разорванной курточке, отец сказал: «Да что ж это такое! Сколько ты еще будешь позволять себя бить? Ты что, слабак? Давай сдачи. Ты же сильный, пусть они тебя боятся. Добро должно быть с кулаками». Смысла этой загадочной фразы Ванечка так и не понял. Ему почему-то представился какой-то огромный холщовый мешок, в котором полно всякого добра. Из мешка торчат два огромных кулака в боксерских перчатках. Совершенно безумная картинка, ничего не объясняющая. И все же Ваня уловил суть отцовского пожелания: он начал драться. Хулиганы-одноклассники теперь знали, что обидеть очкастого отличника безнаказанно не получится – он даст достойный отпор. И еще они уяснили, что очки – это вовсе не признак слабости. Очки свиде-

тельствуют лишь о том, что у человека плохое зрение. Тем не менее, Ваня, как и любой другой ученик этой школы, не был застрахован от посягательств хулиганов. Так что и Ванина шапка однажды погибла в корыте с грязной водой. И к стулу его приклеивали, и на кнопки он садился, и портфель у него прятали, и тетради его портили, и кличка у него была Бонифаций. Происхождение этого прозвища было не слишком очевидным, но вполне логичным. Лёвочкин – лев – лев Бонифаций – Бонифаций. Был такой герой известного мультфильма. Иногда без изысков звали его и Ванькой-дураком, и Лёвкой, и очкариком, и водолазом. В школе Ване нравилось. Там было весело и опасно. Больше все-таки весело. Непредсказуемо. Иван шел в школу, как искатели кладов и приключений едут в дальние неведомые страны – замирая от страха неизвестности и бурля адреналином. Иван был белой вороной и лучшим учеником в классе. Симпатичным додиком в очках, которого задирали мальчишки и не замечали девчонки. И все же он любил свою школу и не променял бы ее даже на престижный английский колледж. Впрочем, во времена, когда юный Ваня проходил обучение в средней школе маленького городка, который можно было найти только на очень подробной карте, об учебе за пределами страны никто и мечтать не мог. Сложно было даже вообразить, что такое вообще возможно – границы СССР были на замке. Иванова школа была построена в 1938 году. Он знал это с первого класса, но цифра эта тогда ему ни о чем не

говорила. Когда Ваня учился классе в шестом, грянули перестройка и гласность. И через несколько лет, когда он был десятиклассником, учитель истории Павел Андреевич, седовласый фронтовик, с внешностью и манерами аристократа из романов Тургенева, повествовал притихшим школьникам об ужасах тридцать восьмого года. Учебников новейшей истории страны тогда не было – не успели написать, слишком уж неожиданно случилась гласность. Ученики записывали в толстые клеенчатые тетрадки слова учителя. Очевидно, он в первый раз за свою долгую жизнь говорил все это публично. Ване показалось, что он хотел сказать правду всю жизнь, но не мог. Возможно, Павел Андреевич мечтал о тех временах, когда он сможет, наконец, рассказать подлинную историю Советского Союза, и вот дождался. Так показалось Ване. Еще он тогда задался вопросом, легко ли это, врать на протяжении всей своей жизни? Мучиться, но врать, врать, врать! Он тогда с яростным пылом юношеского максимализма возненавидел всех взрослых, которые провели многие годы во лжи и решил, что сам он всегда будет говорить только правду, в какие бы лагеря его за это не сослали. Однажды на уроке истории он с вызовом спросил Павла Андреевича, глядя ему прямо в глаза: «А почему одних расстреливали и сажали, а другие жили себе преспокойно, карьеру делали?». Павел Андреевич достал из нагрудного кармана пиджака белоснежный платок, вытер лоб и сказал: «К сожалению, не могу ответить на твой вопрос, Лёвочкин, он слиш-

ком общий, а тут нужно рассматривать судьбу каждого человека отдельно. Если же ты имел в виду конкретно меня, то я был осторожен, шел на компромиссы с собой и своей совестью. Я выбрал молчание. Ты это хотел услышать?». Ваня покраснел. Ночью он долго не мог заснуть – все думал о том, что такое трусость. Вот их учитель истории трус или смельчак? Сказать то, что он сказал сегодня перед всем классом – это смелый поступок, сам Ваня, пожалуй, вряд ли на такое решился бы. А с другой стороны, он на протяжении десятилетий преподавал детям придуманную историю, историю, которой не было. И он знал об этом. Но продолжал врать. Трус? Трус. Но он был на фронте и награды имеет. Значит, не трус. Как сложно все. Но ведь и сам Ваня был октябрёнком и пионером, а сейчас вот комсомолец. Он вспомнил, как гордился, что его первым в классе приняли в пионеры, потому что его признали самым достойным. А еще вспомнил, как в раннем детстве он с удовольствием читал книжки про Ленина, любил его как собственного дедушку и не хотел верить, что он умер. Он надеялся, что Ленин в согласии с известным лозунгом «живее всех живых». Так мысли мальчика и кружили по кругу. Когда он, наконец, заснул, ему снился молодой Павел Андреевич, который выскакивал из окопа и шел в атаку с винтовкой наперевес, как его сражала вражеская пуля, а Ваня кричал во сне: «Нет! Нет!». Еще снился дедушка Ленин, который, как спящая красавица, вставал из своего хрустального гроба в мавзолее, кричал, что он совер-

шил роковую ошибку, но намерен незамедлительно все исправить, требовал сейчас же подать ему броневики и начать новую революцию, расстрелять всех коммунистов и провозгласить диктатуру буржуазии. Никогда еще Ваня так не радовался пробуждению. За завтраком он спросил у отца:

– Пап, а Пал Андреич у вас тоже историю преподавал?

– Почему историю? Никогда он историю не преподавал. Он же учитель русского языка и литературы. Один из лучших в городе.

– Странно, а почему он у нас историю ведет?

– Действительно, странно. Может, потому что сейчас можно стало говорить правду? А раньше, чтобы меньше врать, говорил о литературе. Бог его знает. – Отец пожал плечами.

– А тебе советская власть нравится?

Отец замялся, хлебнул чаю, откусил большой кусок бутерброда с маслом, прожевал, а потом ответил:

– Я при советской власти родился и другой пока не знаю. Кругом ложь. Послушаешь, что говорят эти партократы о достижениях народного хозяйства, а потом выйдешь в эту грязь, в эту темень, когда ни одного фонаря на всей улице нет, зайдешь в магазин, а там пустые прилавки... Как доверять такой власти? Плохо мы жили, что уж там говорить. Зато стабильность была. Худая, но стабильность. А сейчас все рухнет. Неизвестно, что там дальше будет. – Отец вздохнул. – Может, еще и хуже все будет. Смутные времена гря-

дуг, я это чувствую. Страшно жить в эпоху перемен. Не повезло тебе. Не только тебе, а всему твоему поколению.

– Почему?

– Вас лишили мировоззрения, которое даже еще и оформиться-то не успело. Вас лишили ориентиров. Вас лишили всех ценностей, которые успели у вас появиться за четырнадцать-семнадцать лет вашей жизни. Вы дети еще совсем, а у вас уже такие потери. Горько все это. Сейчас ты можешь мне возражать, но позже ты меня поймешь.

Ваня подумал, что отец прав, только все еще хуже, чем ему представляется. Юноша больше не знал, что хорошо, а что плохо. Он больше не знал, кто хороший, а кто плохой. Раньше Ленин, Дзержинский, Чапаев, Буденный, Павка Корчагин, Тимур и его команда были героями, а сейчас они кто? Раньше Деникин, Колчак были злодеями, беляками, а сейчас они кто? Раньше социализм был добром, а капитализм злом, а сейчас? Мир больше не был понятным, он стал вдруг сложным, запутанным и противоречивым. Он не предлагал больше готовых решений и мнений. Сейчас нужно было во всем разбираться самому. Это была свобода. Свобода, с которой Ванька еще не умел обращаться. Но уже тогда в нем возникло неприятие политики и политиков, он не желал с этим иметь дела. Он считал, что политика – это грязь, погрязнее непроходимого, изрытого колеями чернозема дорог в городке, в котором он жил. Иван изменил многим своим убеждениям, но этому остался верен. А Павла Андреевича

Ваня простил. Как и многих других. Вскоре Ваня тоже узнал, что такое компромисс. Впоследствии жизнь не раз представляла ему возможность познакомиться с этим явлением.

Жители городка смеялись, что обитают они в городе-герое – ничего нет, а люди до сих пор живут. Иван до сих пор помнил, как он заходил из школы в магазин в поисках чего-то вкусенького, а там не продавали ничего, кроме хлеба и консервированной морской капусты. Тогда женщины в городке начинали сочинять рецепты блюд из морской капусты и от отчаянья решали, что это действительно вполне съедобно. Через некоторое время капуста в магазинах могла смениться консервами «Завтрак туриста». Тогда начинали придумывать, как повкуснее съесть эти отвратительные консервы. Апельсины и мандарины были редкостным деликатесом: их привозили из Москвы. Иван старался не вспоминать, как он, десятилетний мальчишка, два часа стоял в очереди за курицей, извелся весь, а прямо перед ним все закончилось – Иван ушел домой ни с чем. Хотелось реветь от обиды, только он не мог, ведь мальчишки не плачут. До сих пор Иван не любит курицу, а если ему случается ее есть, старая обида сжимает сердце. Глупо, но ничего поделать с этим уже невозможно.

В городе был праздник, когда в какой-то из магазинов из соседнего областного центра привозили мороженое. Очереди за ним были жуткие, настоящее смертоубийство, с локальными драками и сварами, брали сразу минимум стакан-

чиков по десять, клали в морозилку, а потом ели по мороженому в день. Ваня очень страдал, поскольку родители опасались за его горло и заставляли мороженое перед употреблением растоплять, после чего оно становилось просто сладеньким молочком. Ваня об этом никому не рассказывал, это ведь был позор. В классе все хвастались, кто сколько мороженого купил. Больше всех всегда оказывалось у Вальки Лукашиной. Ей родители покупали сразу по тридцать вафельных стаканчиков. Одноклассники изнывали от зависти и предпринимали попытки самостоятельного изготовления мороженого: добавляли в молоко сахар и варенье, а потом замораживали. Ничего не получалось. Также потерпели полное фиаско и эксперименты с зубной пастой. Ее, жаждущие благ цивилизации школьники, безуспешно пытались превратить в жевательную резинку, поскольку и этот продукт был величайшей редкостью. Просто алхимики из захолустья. Сейчас-то уже смешно, а вот тогда не было.

Иван не любил вспоминать бытовые подробности своего детства. Что там приятного? Водопровода нет: колонка на углу – туда нужно было ходить за водой с ведрами; удобства во дворе. А мытье посуды? В тазике. Вода в нем после первой же тарелки становилась жирной и омерзительной. Бррр... Ивана до сих пор передергивало, когда в памяти возникали эти веселые картинки. Баня раз в неделю и ежедневное обтирание мокрым полотенцем на кухне. А отсутствие

дезодорантов? А помойное ведро? И это в конце двадцатого века! А где-то были города, где стройными рядами стояли новостройки с многоэтажными домами, где были горячая и холодная вода, канализация, газ... Были эти города совсем рядом – всего-то несколько часов езды на автобусе. Ваня мечтал поскорее вырасти и сбежать из родного городка – поступить в университет. Временами он свой город ненавидел, особенно поздней осенью, когда из него уходили все краски. Оставались лишь многочисленные переливы серого. Уныние и тоска. И все же Ваня любил свой городок. Он находил его живописным. Многие приезжие плевались – деревня! Да, деревня. Красоту этого городка разглядеть было непросто, но те, кому она открывалась, влюблялись в него раз и навсегда. Улочки, сбегаящие к реке. Деревянные домики в резных наличниках. Пестрые георгины в палисадниках. Приземистые, разрушающиеся церквушки. Красные яблоки в садах. Нарядные купеческие особнячки. Холмы, пруды и овраги. Старинный вокзал. Красная рябина на фоне белого снега. Ваня в душе был настоящим художником. Ему хотелось рисовать всю эту скромную красоту. В конце августа ученик четвертого класса Ваня Лёвочкин, не спросив родителей, записался в художественную школу.

Глава седьмая

Машка Аверкиева, она же модная художница Мари Арно, обитала на четвертом этаже доходного дома постройки начала двадцатого века в одном из переулков Плющихи.

– Неплохо, – подумал Иван, осмотрев экстерьер дома, – неплохо живут художники в России, сколько ж в этом доме квартиры-то стоят? Может, зря я кисти и краски забросил?

Он набрал номер Машкиной квартиры на домофоне.

– Кто там? – спросил уже знакомый бодрый, резкий голос.

– Иван, мы с вами договаривались.

– Да, проходите.

С некоторых пор Иван стал бояться встречаться со своими ровесниками, с людьми из своего детства и юности. Со многими время обошлось уж слишком безжалостно – изменило их до неузнаваемости. В памяти сохранился портрет тонкой девочки с сияющими глазами, а сейчас перед тобой расплывшаяся матрона в уродливом платье, с неопрятными волосами, морщинами и померкшим взглядом. Глядя на них, Иван чувствовал себя старым. Хотя, когда он смотрел на себя в зеркало, видел еще молодого холеного мужчину с гладким лицом. Он давно перестал надеяться только на природу и пользовался косметикой. С Машкой Иван тоже боялся встречаться. А вдруг она тоже... тоже постарела. Увидеть свою постаревшую первую любовь... лучше это-

го не делать. Пусть та девочка останется в памяти девочкой. Путь и ты сам останешься в ее памяти смешным, неуклюжим мальчишкой. Иван остановился перед темно-коричневой металлической дверью. У Ивана была точно такая же. Нажал на звонок. Дверь сразу открылась. Перед Иваном стояла высокая женщина неопределенного возраста. Стройная, со светлыми длинными волосами, собранными в хвост. Как ни странно, лицо у нее было девичье, даже детское, лишь тонкие морщинки вокруг глаз и взгляд много пережившего человека выдавали ее возраст. Она была в джинсах и каком-то пестром балахоне. Пальцы на руках унизаны крупными серебряными перстнями. Машка была по-прежнему чертовски красива.

– Ну что вы застыли, заходите. – Скомандовала она.

Квартира, судя по всему, была большая, давно не ремонтированная, но вполне артистичная: увешанная картинами и фотографиями, уставленная рухлядью, которая уже в очень скором времени вполне может стать антиквариатом. Было ощущение, что предметы мебели на протяжении многих десятилетий покупали представители разных поколений одной семьи. Это была явно квартира с историей.

Машка провела Ивана через прихожую и узкий коридор в дальнюю комнату, которая, очевидно, служила ей мастерской. По дороге Иван успел украдкой заглянуть в гостиную, в спальню, еще в одну спальню, похоже, принадлежащую ребенку. Машкино жилище напоминало неуловимо их общий

родной городок: прекрасное, но несколько запущенное.

– Вот, выбирайте, – Машка указала на ряд полотен на подрамниках, прислоненных к стене, и закурила как-то нервно, – здесь все, что на продажу. Остальное – в салоне. Знаете, я такая дурочка, каждый раз, когда приходит потенциальный покупатель, я, конечно, хочу, чтобы он что-нибудь купил. Мне ведь деньги нужны, и если вещь берут, значит, она нравится, это ведь как бы признание твоего мастерства и таланта. Но ведь так жалко отдавать, вы не представляете! Это же все будто мои дети. Почему я все это вам говорю? Мне ваше лицо кажется знакомым. Будто родное какое-то. Будто из детства. Мы не встречались? Ой, извините. Опять глупости говорю. Целый день сидишь дома одна, общаешься только с красками, начинаешь с ума потихоньку сходить, а потом набрасываешься с разговорами на первого встречного. Нравится вам что-нибудь?

– Да, очень. – Иван вежливо улыбнулся.

– Вот и улыбка мне ваша кажется знакомой. Ладно, ладно, умолкаю. Не буду вам мешать. Рассматривайте. Выбирайте. – Маша повернулась к окну.

У Машки определенно был талант. Впрочем, это тогда еще, сто лет назад было понятно. Они оба, Иван да Марья, были гордостью своей художественной школы. Преподаватели в один голос прочили им славу великих живописцев, при условии, конечно, что они не заруют свои способности в землю. Учителям так хотелось, чтобы хоть кто-то из их учеников

стал знаменитым художником. До сих пор этого не случилось. На Ивана да Марью была вся надежда. Иван вот сплеховал, а Машке, похоже, в некоторой степени все же удалось потешить честолюбие своих наставников.

– Вот эта. – Иван показал на холст жемчужно-серой, переливчатой палитры, решительно расчерченный черными ветками, на которых пронзительно краснели гроздья рябины.

Маша отвернулась от окна, подошла к Ивану, взглянула на полотно.

– Странно, – протянула она. – Несколько лет уже не могу продать эту картину. Вы первый, кому она понравилась. Все говорят, что она слишком простенькая, архаичная какая-то, провинциальная и написана совсем не в моей манере. Я уж думаю, ладно, оставлю себе. Уже собралась снести ее в багетную мастерскую да в гостиной повесить. Знаете, я ее написала, когда гостила в своем родном городе у родителей. Это рябина перед моим окном. Берете?

– Да.

– Три тысячи евро.

– Сколько? – удивился Иван.

– Три тысячи евро. – Повторила Маша твердо. – Дешевле не отдам. Она стоит столько. Даже больше. Не хотите – не берите. В салоне мои картины продаются намного дороже. Галеристам ведь тоже нужно зарабатывать.

– У меня нет с собой столько наличных, – произнес Иван смущенно.

– А вы вообще собирались что-нибудь покупать? – Маша с подозрением посмотрела на своего гостя. – Как, говорите, вас зовут? Иван? А фамилия?

– Лёвочкин. – Выдохнул Иван.

Маша медленно опустилась в кресло, покрытое цветастым русским платком.

– Ванька, ты?

– Я.

– Зачем пришел?

– Картину купить.

– Врешь.

– Вру. Принес тебе коньяк. Ты же хотела.

– Тогда хотела, сейчас – нет. – Пожала плечами Маша.

– А, может, выпьем? За встречу?

– Хороший хоть коньяк? – улыбнулась Маша.

В маленькую, худенькую девочку с огромными голубыми глазами Ванька влюбился сразу. С первого взгляда. Когда он в первый раз вошел в класс художественной школы, Машка уже сидела на табуреточке перед грубым мольбертом, выкрашенным в синий цвет. И вот выглянула она из-за этого мольберта, посмотрела на Ваньку с любопытством, потом снова спряталась за мольберт. А Ванька густо покраснел и понял, что он влюбился, что занятия в художественной школе он пропускать не сможет, даже если очень захочет, даже если болен будет. Ведь если он не придет, то не увидит эту чудес-

ную девочку. Она представилась ему хрупким, беззащитным ангелом, каких не было в его классе в общеобразовательной школе. Тамошние ангелы ходили с расцарапанными локтями и коленками, лазали по деревьям и могли с легкостью побить любого мальчишку.

Для Вани не было большего счастья, чем поймать Машкин взгляд. Он и сам толком не знал, чего он от нее хочет: просто постоянно видеть ее, слышать ее звонкий голосок, гулять по городу, болтая о литературе, школьных происшествиях, ходить в кино. Только Ванька не то, чтобы бы позвать Машку в кино не решался, а даже заговорить.

В своем воображении он спасал ее от хулиганов, а она бросалась к нему на шею, шептала «Ванечка, миленький, спасибо!», целовала в щечку, звала его в кино, а он нехотя соглашался. Еще он вел с Машкой бесконечные мысленные диалоги. В них он сообщал ей о своих чувствах, а она признавалась, что тоже к нему равнодушна. В реальности же у Ваньки и Машки было соперничество за звание лучшего ученика в классе. Они были откровенно лучше других, а вот кто из них лучше, не могли решить даже преподаватели. Если Ваньке за работу ставили пятерку с плюсом, а Машке просто пятерку, она вспыхивала, вздергивала носик, поджимала губки и смотрела на соперника недобро. Рисовала она, смешно высунув кончик языка, пачкая руки, лицо и одежду акварелью. На бумаге у нее акварель тоже растекалась, плыла, смешивалась в причудливые цвета удивительной прозрачности.

Александр Васильевич, учитель живописи, посмеивался над Машкой и говорил, что истинный художник и должен быть перепачкан краской с ног до головы. Девочка самодовольно улыбалась. А Ванька смотрел на нее с обожанием. И стремился нарисовать свой натюрморт как можно лучше, чтобы Машка обратила на него хоть какое-то внимание, пусть и злобное.

Так прошло три года. Теперь они уже учились в седьмом классе средней школы и в выпускном – в художественной. Машка за лето изменилась. Ваня даже не сразу ее узнал. Она вытянулась, на лице появились прыщи, платье топорщили довольно большие, невесть откуда взявшиеся груди. Она их, видимо, стеснялась и сама еще не смирилась с их неожиданным возникновением в ее фигуре, поэтому постоянно сутулилась. Маша стала взрослее, красивее и некрасивее одновременно. Маша становилась барышней. Девушкой. Ваня был теперь ниже ее и будто намного младше. Глядя на нее, ему иногда хотелось теперь чуть ли не выть от отчаянья – эта новая Машка точно не согласится пойти с ним ни в кино, ни на прогулку. Такой девушке нужен кто-то постарше. Не такой младенец, как он, Ванька. Поговаривали, что Машка «ходит», то есть встречается с каким-то красавцем-девятиклассником. Несчастливая любовь и ревность рождала в Ваньке вдохновение. Когда он был особенно мрачен, начинал писать стихи, полные тоски, муки и надежды на то, что настанет день, свершится чудо и избранница его серд-

ца, эта жестокая красавица, обратит внимание на скромного, несчастного юношу, который готов быть рабом ее до скончания дней. Стихи были корявы, зато искренни. Ванька считал себя поэтом. И художником. На лист бумаги будто выплескивалась вся его любовь. Карандашные штрихи его стали уверенны, сильны и нежны там, где нужно. Акварель его вдруг сгустилась, утратила прозрачность. Иван начал безумствовать в экспериментах с цветом – ему было тесно в акварели. Эта мягкая, текучая краска не могла передать его страсть. Александр Васильевич, видя терзания своего ученика, предложил ему индивидуально освоить масляную живопись, но предупредил, что на занятие это, требующее значительных денежных влияний, у художественной школы таких денег нет, так что расходы эти должны взять на себя Ванины родители. Ваня с ними посоветовался. Они не стали ему препятствовать.

Ваня зря думал, что Машка его не замечала. Напротив, она ревностно следила за его творчеством. Он был единственным достойным соперником для нее. Она сразу заметила, что, когда все расставляют по местам мольберты, моют кисти, баночки и радостно разбегаются по домам, Иван остается. Однажды она подошла к нему и спросила, глядя в глаза:

– А чего это ты не уходишь вместе со всеми, чем ты здесь занимаешься?

– Я... я... пишу, – проямлил Ваня, заикаясь. Он был

смущен. Машка впервые с ним заговорила сама. Она была так близко. Он увидел даже свое отражение в ее огромных голубых глазах.

– И что это ты здесь пишешь?

– Пока... ну, натюрморты... до портретов не дошли еще...

– Ты же их и на уроках рисуешь, – удивилась Маша, – зачем еще вечером оставаться?

– Александр Васильевич учит меня писать маслом.

– А почему это он с тобой занимается, а со мной нет? – взбеленилась Машка, в глазах мелькнули слезы обиды, она резко развернулась и унеслась в сторону учительской.

В следующий раз вечером в классе художественной школы, расположенной в старинном купеческом особнячке, в классе с древней печкой-голландкой, с четырехметровыми потолками, среди гипсовых бюстов, розеток и разных частей тел греческих богов и героев сидели уже двое. Мальчик и девочка. Мальчик был счастлив от близости девочки. Девочка смешно высунула язык и вся вспотела от усердия. Мужчина, их наставник, пил чай, а, может, и что-нибудь покрепче, в учительской. Скоро тишина в классе стала совсем уж невыносимой, и мальчик спросил девочку дрожащим голосом:

– Ну как, нравятся тебе масляные краски?

– Пока не знаю, – ответила девочка нервно, – не получается ничего. Но я все равно научусь...

Как-то неожиданно начали сбываться Ванькины мечты. Так что даже стихов писать больше повода не было. Остава-

ьясь втроем в пустой художественной школе, Ване и Маше по-неволе пришлось общаться – учитель постоянно отлучался, и подростки оставались наедине. Расходились они поздно. Ванька не мог отпустить любимую девочку одну в черноту осеннего вечера, где шел дождь, тускло светили редкие фонари, в их свете жирно поблескивала грязь, а из темноты выплывали таинственные тени поздних прохожих. Кто их знает, что это были за прохожие? Ваня шел провожать Машку. Он протягивал ей руку, чтобы помочь перейти через лужи, и однажды, после того, как препятствие было преодолено, он не выпустил ее руку. Она тоже не отняла своей руки...

Во время зимних каникул они уже всю целовались. Раньше Ваня ненавидел каникулы, потому что в течение этих долгих недель, а то и месяцев, он не видел своего голубоглазого ангела. А сейчас они встречались каждый день: бегали на каток, в кино, катались на санках. Ваня был счастлив и снова любил каникулы. Иван до сих пор помнил, как он поцеловал Машку в первый раз. Собственно, это был самый первый поцелуй в его жизни. Они были на катке. Кататься на коньках Ванька толком не умел. Он упал, Машка потянулась его поднимать, тоже упала прямо на Ваньку, губы и встретились, Ванька как-то неловко чмокнул Машку, а она расхохоталась, приникла к его губам и умело поцеловала.

– Вот так надо целоваться, дурачок, – сказала она, когда оторвалась от Ванькиных губ, и принялась подниматься.

Красного от удовольствия и смущения Ваньку обожгло

ревностью – он у нее не первый.

Ваня забросил учебу – оказалось, что это вовсе не главное в жизни. Гораздо важнее – его любовь. Когда он получал тройку, это ничего не меняло. Что такое тройка? Всего лишь отметка. А вот если Машка отказывалась с ним встретиться, это было чуть ли не крушение основ мироздания. Ванька тут же становился обижен на весь мир, жизнь была ему не мила, божий свет мерк. Все его раздражало. Родители пытались его увещевать, он злобился, укрывался в своей комнате, а на следующий день получал двойку – назло.

– Сколько у тебя будет еще таких Машек, а аттестат один! – вскричала однажды мать в пылу ссоры.

– Да плевать мне на аттестат! А Машка у меня одна, на всю жизнь! Я ее люблю! Ничего ты не понимаешь! – закричал в ответ Ванька и скрылся в своей комнате, хлопнув дверью.

– Дурачок, – прошептала мать, – какой дурачок! Натерпится он еще от женщин.

Учебный год Ванька, не смотря на неземную любовь, все же закончил как обычно – на пятерки. Помогла репутация отличника, да и за ум он взялся: когда страсти поутихли, пришла к нему все же здравая мысль, что Машка одна, но и аттестат тоже один, и он должен был хорошим, ибо из этого городка нужно как-то выбираться.

На выпускном вечере в художественной школе Иван и Мария получили от наставников напутствия и предложение продолжить индивидуальное обучение с тем, чтобы впослед-

ствии поступить в художественное училище. Ваня и Маша согласились.

Начались летние каникулы. Ваня очень любил свой маленький городок летом. Он вдруг становился красивым и уютным. Зеленый цвет был ему к лицу. Ванька с Машкой пропадали на пляже – погода стояла жаркая. Машка в красном купальнике лежала на стареньком покрывале. Ванька валялся рядом и непрерывно гладил ее спину, ноги. Он не мог от нее оторваться. Он ею любовался. Когда он впервые увидел ее без одежды, в одном купальнике, который мало что скрывал: эти длинные худые ноги, хрупкие ключицы, тонкую талию, косточки, выпирающие над плавками, торчащие груди, он чуть не задохнулся. Ванька млел от ее красоты. Ему хотелось ласкать ее всю-всю, самые ее сокровенные места, но не решался. Когда она бежала к реке по белому песочку, Ванька от этого зрелища с ума сходил и резво кидался в воду – охлаждать пыл. Как же он был счастлив! А по вечерам они ходили в городской сад, которому было уже лет сто или больше, на танцы. Ванька ждал медленных танцев, чтобы иметь возможность на вполне законных основаниях прижаться к любимой девушке. А потом он шел ее провожать, держал за талию и мог сколько угодно целовать ее в темноте. В такие мгновения ему даже нравилось, что в их городке так мало фонарей.

В начале июля Машка уехала отдыхать в пионерский лагерь, а Ванька остался. Места себе не находил. Принимал-

ся читать – бросал, не мог сосредоточиться на тексте. Хватал блокнот и бежал рисовать церквушки – ничего не получалось, линии были нервные, грубые, злые. Тогда он садился на старенький велосипед и мчался сначала по разбитой дороге, потом через деревянный низкий мост над стремительной рекой, потом через лес и тусклые, приземистые деревушки к своей любимой – в пионерский лагерь. Стоял под воротами со своим велосипедом, томился, секунды казались вечностью – дежурные слишком долго искали Машку. Она выходила, загорелая, в пестром ситцевом платъице, прекрасная, с развевающимися, спутанными после купания волосами. Ваньке казалось, что над лесом разносится стук его сердца. Машка радовалась, бросалась ему на шею, они удалялись за сосенки и там неистово целовались, до боли в губах. На исходе второй недели Машкиного пребывания в лагере она вдруг стала холодна. Когда Ванька попытался поцеловать ее, она отстранилась, сказала, что сегодня не в настроении заниматься этими глупостями. Ванька уехал удрученный, терзаемый смутными догадками и подозрениями. На следующий день Машка все же подставила свои губы для поцелуя, но была безучастна и стремилась поскорее высвободиться из Ванькиных объятий. А за день до окончания лагерной смены сказала, не глядя Ваньке в глаза, что между ними все конечно, потому что она полюбила другого. Он потом стоял на мосту со своим велосипедом, смотрел на желтоватые, мутные, быстрые воды реки и хотел утопиться. Вместе с велосипедом.

Чтоб и следа от него в этом мире не осталось. Не прыгнул он только потому, что точно знал, что в этом месте глубина по пояс. Так просто не утонешь. Речка эта была коварная, с омутами и корягами. Каждое лето она отнимала жизни у нескольких обитателей города, но вот для самоубийств она, пожалуй, не годилась. Ваньке вдруг вспомнились слова матери: «Да сколько у тебя еще будет таких Машек!». «Может, она и права?», – подумал Ванька, сел на свой велосипед и укатывал свою ярость по низкорослым улочкам до тех пор, пока не стемнело.

Глава девятая

– Какой ты стал! Холеный, респектабельный. Красавчик просто! Чем ты сейчас занимаешься? – спросила Машка.

Она разругалась после двух глотков коньяка и стала похожа на ту девчонку, с которой Иван целовался на катке много-много лет назад. Только тогда она была румяная от мороза.

– Таких, как я, в современной России называют топ-менеджерами. – Скромно ответил Иван.

– Но не олигарх? – уточнила Машка.

– Не олигарх. К сожалению. – Иван смутился. Как это у нее получается? Сто лет прошло, а он при виде этой молодой уже девчонки смущается, как мальчишка.

– Да ну их, олигархов этих. И хорошо, что не олигарх. – Засмеялась Машка. – А рисование забросил?

– Забросил.

– Жаль. Очень-очень жаль. Ты талантливый. Мог бы стать отличным художником. Я тебе всегда завидовала. У меня не получалось, как у тебя. Я старалась-старалась, а так, как у тебя, все равно не получалось. – Машка вздохнула. – А почему ты забросил рисование? – продолжила она допрос.

«Какая глупость, – думал Иван. – Опять она разговаривает со мной свысока, а я опять оправдываюсь, как идиот. Как была стервой, так и осталась». – Он почему-то разозлился.

– Ты правда хочешь это знать? – спросил он.

Машка кивнула, приложила к коньяку и уставилась Ивану в глаза.

– Ну, так слушай. – Он тоже глотнул коньяка. – Знаешь, после того, как ты меня бросила, я на девчонок целый год вообще не смотрел. Я их, знаешь ли, возненавидел. Всех. Ладно, это у меня прошло, а вот ненависть к кистям и краскам осталась. Навсегда. Потому что рисование в моем травмированном сознании почему-то сплелось с твоим светлым образом. Так что в последний раз я рисовал... дай-ка сосчитаю... двадцать пять лет назад. Вот так. Таким образом, ты избавилась и от возлюбленного, и от конкурента одним махом. Молодец!

– Фу, какой ты злопамятный! Не ожидала от тебя. – Маша скроила обиженное лицо. Она так и осталась кокеткой. – Извини, я же не думала, что для тебя все так серьезно. Я ветреная, понимаешь, влюбчивая. Безответственная. Нам, творческим людям, постоянно нужны свежие впечатления, эмоции, новые люди. Мы такие. Я такая. Ничего не могу с этим поделать. А тогда сколько мне было лет? Четырнадцать! Я же еще ребенком совсем была! К тому же я думаю, если бы ты хотел стать художником, если бы это было твоей судьбой, ты бы стал. И никакая взбалмошная девчонка тебе бы не помешала. Так что, извини, но вины я своей не чувствую.

– Я ни в чем тебя не виню.

– Ну, будем считать, что мне показалось... Даже если и

была виновата, я испустила уже. Все испустила! Тот мальчик, с которым я тогда... ну... тогда... в лагере... из-за которого я тебя... в общем, он меня бросил через месяц. А сколько их потом меня бросало! Этих мальчиков! – Машка неожиданно разрыдалась. Покопалась в ящичке старинного буфета, выудила оттуда бумажные носовые платки. Шумно высморкалась. Тут же перестала плакать и скомандовала, – Наливай еще! – Иван налил еще. Машка схватила свой бокал и залпом выпила. Ее огромные голубые, некогда ангельские глаза полыхнули безумием. Иван даже перепугался. – Ты знаешь, что собой представляет моя жизнь? – Иван помотал головой. – Это выжженная пустыня. Понимаешь, выжженная пустыня! Я приношу несчастья! Я ни одного мужчину не сделала счастливым. Я их унижала. Я глумилась над ними. Я им изменяла. Я как эта чертова стрекоза носилась с цветка на цветок, то есть от одного мужика к другому, но не в поисках нектара, нет, в поисках вдохновения, впечатлений. Мне всегда было мало одного мужчины. Ты бы знал, как быстро мне становилось с ними скучно! И тогда я заводила новый роман, не завершив прежний, мне доставляло удовольствие мучить своих любовников и мужей. Хотя нет, не так – меня это развлекало. Потом, помучив и намучавшись, я писала дивные картины. Потрясающие картины. А мужчины – это мой допинг. Источник энергии. Я их использовала. Какая же я сволочь! – Машка опять взвыла.

Иван налил ей воды из чайника.

– Успокойся, милая, успокойся. – Он гладил ее по голове. – Успокойся. – Ивану хотелось бежать из этого странного дома, от этой странной женщины, куда глаза глядят. Она была невозможна. Боже, как же ему повезло, что она тогда его бросила, что его не затащило в ее омут необратимо, что ему удалось соскочить. Бежать он не мог. Он должен был помочь женщине, возможно, Машке. Сейчас она явно нуждалась в помощи.

– Меня никто никогда не любил по-настоящему! – завывала Машка. – Никто и никогда! Все меня только хотели. Страсть у них была, но никто, никто не любил! Никто не смог меня удержать. Никто не смог стать для меня единственным.

– Я тебя любил. – Сказал Иван глухо. – Я тебя любил. Много лет. С того момента, как только увидел. Ты мне казалась самой чудесной девочкой на свете. Вот так, молча, и любил тебя. Заговорить не решался. С ума сходил. Это не страсть была. Какая страсть в десять лет? Я в кино с тобой мечтал сходить. Только и всего. А потом, когда мы с тобой... тогда самое большее, чего я хотел – до груди твоей дотронуться. Вот и все. Еще мечтал, что мы вырастем и поженимся. Мне хотелось быть с тобой каждую секунду. Ты даже не представляешь, как я тебя любил. Потом еще несколько лет фантазировал, что ты ко мне вернешься. В моей голове шел непрерывный диалог с тобой. Я то прощал тебя, то наказывал, а потом все равно прощал... Так что зря ты... Один человек тебя точно любил. Не сомневайся.

Машка утерла слезы.

– Прости меня, Ванька! Прости! – она неожиданно вскочила со своего стула, подскочила к Ивану и принялась осыпать мелкими, быстрыми поцелуями его лицо. – Прости меня, миленький, прости, – шептала она в перерывах между поцелуями.

Иван во второй раз за вечер не на шутку испугался и попытался деликатно отодрать от себя Машку. Она не отдиралась. Иван вдруг почувствовал томление, возбуждение, точнее. Эта уникальная женщина была сексуальна даже пьяная, даже зареванная, даже с размазанной по лицу тушью. Его руки будто сами собой, без его воли обняли Машку. Она вдруг оборвала свои поцелуи, отвела его руки, отстранилась.

– Я, пожалуй, пойду умоюсь. – Промямлила она и удалилась.

Иван, как когда-то запрыгивал в реку, чтобы усмирить свою плоть, охладиться, сейчас плеснул себе в лицо воды из-под крана и принялся осматривать кухню. На одной из полок буфета он заметил небольшой портрет. Тут кругом были картины и фотографии, так что неудивительно, что он не заметил его сразу. С портрета на Ивана смотрел Петр Вениаминович. Со своей изогнутой бровью и клоунской бабочкой. Чертовщина какая-то. Иван испугался в третий раз за вечер. Причем испугался серьезно, до дрожи. Он снова присел за стол. Плеснул себе еще коньяка, выпил залпом. Безумие! Прочь из этого дома... Он остался. Его терзало любо-

пытство. Кто такой этот Петр Вениаминович? Кто он, черт возьми, такой? Откуда его портрет в доме у Машки? Иван встал, снял портрет с полки, положил на стол. Ивана била дрожь.

– Кто это? – спросил он, когда Машка вернулась на кухню.

– Лазил по моим шкафам, шалунишка? – съязвила она.

– Да. Извини. Кто это?

– Я не знаю. – Устало сказала Машка и медленно опустилась на стул. – Однажды он мне помог, но это долгая история.

– Расскажи. Пожалуйста, расскажи! Очень тебя прошу!

– Ты тоже его знаешь? – удивилась Машка. – Что за чертовщина! Как ты можешь знать человека из чужих снов?

– Это человек из МОИХ снов! Рассказывай!

– Черт! – воскликнула Машка, налила себе коньяку и хлебнула. – Что за черт?! Ладно, слушай. Только не считай меня сумасшедшей. Нет, я, конечно, сумасшедшая, но не до такой степени все же. А ты, значит, тоже сумасшедший... Забавно. Никогда бы не подумала. Так вот... Я только что сбежала от своего третьего мужа. Сейчас-то я понимаю, что сама была во всем виновата, но тогда мне казалось, что он. Слишком хороший был, слишком добрый, слишком легко мне все прощал. Я принимала это за равнодушие. Изменяла ему, чтобы спровоцировать проявление хоть каких-то чувств – хоть ревности, хоть ненависти, хоть чего-то. А он меня же еще и жалел, говорил: «Бедная девочка, нет тебе покоя. И никогда не будет». Я, в итоге, собрала вещички и сбежала к

подруге – своей-то квартиры в Москве у меня тогда не было. Потом друзья помогли продать несколько моих картин, и я сняла мастерскую, там работала, там же и жила. Знаешь, мужа сама бросила, но почему-то я чувствовала себя такой ничемной, настолько никому не нужной, будто это меня бросили. Я в те времена была еще очень красива, очень молодо выглядела, ни грехи мои, ни время будто были надо мной не властны. В общем, я отправилась на поиски любви – мне нужны были подтверждения моей нужности. Это только называлось красиво – поиски любви, а на деле это были одно-разовые постельные приключения. Я много плакала тогда, считала себя шлюхой, обещала себе больше так не делать, а потом снова оказывалась в постели с каким-нибудь кобелем. Часто и имени его не знала. Я была себе противна, но с каким-то мазохистским наслаждением снова и снова окуналась в этот разврат и ненавидела себя еще больше. Я будто мстила себе за что-то. И вот однажды, когда рядом похрапывал какой-то малознакомый мужик, мне приснился Петр Верниаминович. Вернее, мне сначала-то показалось, что он мне не снится, а действительно сидит на стульчике, на котором я обычно сижу, когда работаю, курит сигару и покряхтывает от неудобства – он такой большой был, толстый в смысле, и едва помещался на моем маленьком стульчике. Поворчал о скудости и бедности моего так называемого дома, что здесь и присесть-то с комфортом не на что, как-то очень тонко и изысканно мне нахамил, задел все мои больные мозоли, а

потом сказал, что он здесь не просто так, что он с миссией. Он здесь, чтобы передать мне, что я должна как можно скорее исполнить свое предназначение. Я хотела спросить его, в чем мое предназначение, но он исчез. Утром я поняла, что это был всего лишь сон. Я верю, что бывают вещие сны. Еще я знаю, что сны – это не просто так, в них часто зашифрованы послания. Я ломала голову над тем, в чем же мое предназначение? Я с детства еще считала, что моя жизненная стезя – быть художником. Так ведь я и есть художник. Что же не так? Я вытащила из папок все свои работы, расставила вдоль стен. Стала смотреть и вдруг поняла, как все это мелко. Это хорошо, но мелко. То, что я до сих пор писала, никогда не станет великим, не останется в веках. В моих работах нет силы, нет глубины, нет ярких чувств! Как я была разочарована! Я будто лишилась последней точки опоры в этом зыбком мире. Раньше я знала, кто я – я талантливый художник и неудачница в личной жизни. А сейчас? Никто. Я разрыдалась. Я просто билась в истерическом припадке, валялась по полу, разбила себе весь лоб, хотела порвать все свои картины, сжечь, уничтожить. К счастью, слезы меня так утомили, что сил на то, чтобы прикончить картины у меня уже не осталось. Я заперлась в своей мастерской и начала работать как одержимая. У меня тогда какие-то безумные, абстрактные полотна получались. Всплыло все самое темное, все самое сумеречное в моем сознании. Черти скакали по моим полотнам, демоны, неявиные – их никто кроме меня и не ви-

дел. Сторонние зрители испытывали рядом с этими картинами смутную тревогу, некоторые говорили, что у них плохая энергетика. Кому-то страшно становилось. Девушка, которая занималась продажей моих работ, мрачно заявила, что ТАКОЕ ни один нормальный человек никогда не купит, потому что ЭТО – круги ада. Кому нужно, чтобы такое висело в доме или в офисе? Это только в музей сдавать, чтобы люди останавливались на минуточку и задумывались о темной стороне своей натуры, а постоянно на такое любоваться, тут никакого душевного здоровья не хватит, и не заметишь, как в психушке окажешься. Я ее уверила, что это не для продажи, что это просто мой личный катарсис, мое очищение. Я действительно как-то успокоилась. Самоутверждение через постель было забыто. Не до того стало – я творила. Мне начало нравиться то, что я делаю. И тут снова появился Петр Вениаминович. Я уж о нем и забыла. Это же был просто сон. И тут он опять явился. Снова в бабочке этой своей идиотской. С сигарой. Ласково так говорит, что я молодец, конечно, забросила свои глупости, делом занялась, но все же это не совсем то, чего от меня ждут. Направление моего движения, в общем-то, верное, но нужно все же добратся до развилочки и свернуть немного в сторону, на узенькую неприметную тропиночку. Стезя-стезей, а предназначение-то может быть вовсе и не в профессиональной деятельности, не на широкой, проторенной дороге. И, собственно, то, что я считаю тропиночкой, для большинства женщин яв-

ляется как раз вполне обычным жизненным путем. Запутал меня совсем. Потом холодно так говорит: так что ищите, девушка, ищите. Останавливаться в поиске не рекомендую. А во взгляде угроза. Я когда проснулась, увидела, что его нет, у меня от сердца отлегло, а потом посмотрела на пол, а там пепел от сигар. Я даже толком не умылась, выскочила из мастерской и целый день бродила по улицам – боялась возвращаться. И ночевать к подруге напросилась. Уложили меня на диванчике, а я кофе напилась и засыпать боюсь, но заснула под утро уже. И тут же Петр Вениаминович появился, в ногах у меня сидел, дымил своей сигарой. В белом халате, в шапочке докторской и с бабочкой, разумеется. Просто добрый доктор Айболит. И такое раскаяние нарисовано на его лукавой физиономии. Уж он так извинялся, так извинялся, говорил, что не хотел меня пугать, что не догадывался он, что я такая слабонервная. В общем, он сказал: живи, как хочешь, но не забывай о своем предназначении. Сказал, что в следующий раз придет, если я совсем сойду с пути. И вот я жила, работала с утра до ночи, на вечеринки еще ходила – нужно же быть в струе. А потом – бах, и влюбилась. Вот на вечеринках и влюбилась. Заприметила... А он на тебя, кстати, немного похож – тоже такой, в очочках, лицо интеллигентное. Мой типаж, в общем. Я влюбилась, а он на меня ноль внимания. Как я страдала! Как страдала! Ну, ты же меня знаешь, я его соблазнила, конечно. Никуда он от меня не делся. И вот мы месяц вместе, два, полгода, а мне с ним хорошо, я

ни налево не смотрю, ни на право – только он. Год прошел, а я ему верна. Меня это даже пугает немного. Живем у него в загородном доме. Он богат. Забыла сказать об этом. Но я в него не из-за денег влюбилась, он, знаешь, он необыкновенный! Сборище противоречий! И подлец, и святой! И умник, и дурак! И циничный, и наивный! С ним никогда не было скучно. Он был переменчив, непредсказуем, еще хуже меня, я никогда не знала, чего от него ждать в следующий момент. Вот и забеременела я неожиданно, не должна была, а забеременела. Мне хоть и было уже чуть-чуть за тридцать, но детей я не хотела, я себя чувствовала ребенком. А мое творчество? А путешествия? Какой ребенок? Зачем мне ребенок? Я решила моему мужчине ничего не говорить и втихаря сделать аборт. Вот тут-то опять и явился Петр Вениаминович. Он рвал и метал! Он отчитывал меня, как школьницу, обвинял в легкомыслии, в безответственности, в эгоизме. Я злилась, кричала, оправдывалась. Он как-то вдруг стал спокоен и ласков. Он почти проворковал, я даже запомнила его слова в точности: «Девочка, выбор за тобой. Только за тобой. Я не могу тебя принудить. Но все же позволю себе намекнуть, что именно сейчас ты как никогда близка к исполнению своего предназначения. За сим позвольте откланяться». Он исчез, как обычно, а я утром сообщила своему мужчине о беременности. Он обрадовался, а я разрыдалась. Не хотела я ребенка. Мы поженились. Это был мой четвертый официальный брак. Свадьба была роскошная. Мне, конечно, смешно было

в четвертый раз белое платье с фатой надевать, но Ромка настоял. Его Ромка зовут. А потом родилась Аришка. Я как ее впервые увидела, поняла, какая же я дура была. Я ее сразу полюбила, хоть и страшненькая она тогда была. Еще я тогда поняла, что такое настоящее творчество – родить ребенка – вроде дело нехитрое, но это истинное творчество: практически из ничего появляется новое существо, и ты к этому причастен. В ту мою первую ночь после рождения Аришки во сне ко мне снова явился Петр Вениаминович. Он даже не курил. Поцеловал мне руку, сказал: «Молодец, девочка, ты все сделала правильно. Будь счастлива!» – и исчез. Больше я его не видела. Портрет вот потом нарисовала... по памяти. Тебе первому все это рассказала. Не поверит ведь никто. За сумасшедшую примут.

– А где твоя дочь? – спросил Иван.

– У отца гостит. Забрал на недельку. А я тут скучаю без нее. На глупости всякие тянет.

– Например?

– Например, выпить коньяку с призраком из прошлого. – Засмеялась Машка.

– Ну вот, я уже и призрак, – усмехнулся Иван. – А муж-то твой где?

– Он меня бросил! – глаза Машки снова начали наполняться слезами. Иван испугался, что она сейчас снова впадет в истерику, и пожалел, что так неосторожно задал этот вопрос. – Единственный мужчина, которого я ценила, которо-

го я боялась потерять, от меня сбежал. С молоденькой. Вот уж банальная история. Даже смешно. – Машка принужденно улыбнулась и смахнула слезу. – Не беспокойся, новой истерики не будет, – воскликнула она бодро, заметив озабоченное выражение Иванова лица, – ладно, это все уже неважно. Дело прошлое. Оставил нам с Аришкой эту квартиру, это бабушкина и дедушкина старинная квартира, с историей. Алименты платит. Он вообще щедрый, хороший. Ну, за что он так со мной, за что? – Машка сделала три глубоких вдоха. Похоже, это не помогло, потому что продолжила она все так же возбужденно. – Я проходила сквозь жизнь мужчин, как пуля – навывлет. Рана затягивалась, и следа от меня не оставалось. Никакого следа..., – снова слезы.

– Это неправда. – Мягко сказал Иван. – По мне ты не пулей прошла, а бульдозером. Я весь в твоих следах. – Рассмеялся он.

– Кругом я виновата, кругом. Ванька, прости меня, прости. Я изменилась. Я уже не легкомысленная, эгоистичная стерва. С тех пор, как Рома ушел, я одна. Я уже не верю, что смогу когда-нибудь быть счастлива с мужчиной. Даже уже и не пытаюсь. – Машка горько вздохнула. И вдруг она снова посмотрела на Ивана с подозрением: тот же взгляд с прищуром, как в начале их встречи. – А откуда ты знаешь про Петра Вениаминовича?

– Он тоже приходит ко мне во сне. – Тихо ответил Иван.
– И чего он от тебя хочет?

– Чтобы я спас женщину, которую некогда любил, – ответил он честно, поскольку счел, что лгать в этой ситуации бессмысленно.

– А, так вот почему ты пришел. А я все голову ломала, зачем ты вдруг явился? – протянула Машка разочарованно.

– Да, – покаянно ответил Иван, – сама понимаешь, чтобы вернуться к первой своей любви в виде постаревшего призрака из прошлого, нужен очень серьезный повод. Например, требование таинственного незнакомца, который терроризирует тебя во снах. Чем я могу тебе помочь?

Маша долго молчала, курила.

– Пожалуй, ничем. – Ответила она, наконец. – Материально я вполне благополучна, мужа ты мне вернуть не сможешь, сам ты, я думаю, тоже на мне не женишься. Ты ведь женат? – Иван кивнул. – Ну вот. Да и не хочу я быть с тобой. Извини уж за прямоту. Нельзя в одну реку войти дважды. Так что, наверное, ничем ты мне помочь не сможешь. А спасти меня, наверное, сможет только психотерапевт. Кстати, может, действительно, пора уже обратиться к специалисту? – спросила Машка, очевидно, сама у себя. – Как-то мне уже наскучило быть несчастной... Надоело. А хотя, знаешь, ты мне уже помог: сказал, что любил меня по-настоящему. Для меня это важно. Я вот думаю, если Петр Вениаминович является к тебе, значит, что-то у тебя не так идет в жизни. Можно предположить, что у тебя очень серьезные проблемы с женщинами. Мне бы очень хотелось, чтобы не я была причиной этих

проблем. Не я. Но мне кажется, что это я... Прости меня, Ванька! Вот! Я поняла – ты мне поможешь, если простишь меня. Мне легче будет, если хоть один мужчина из тех, кому я сделала больно, простил бы меня! – и снова в Машкиных глазах засверкали слезы.

Иван обнял ее. Погладил по голове.

– Уже простил. Уже простил, милая. Ты ни в чем не виновата... ты чудесная.

Уже в дверях Иван спросил:

– И кто же такой этот мистический Петр Вениаминович? Он ведь, судя по всему, вполне реален, если он снился и тебе, и мне. Кто он? Почему тебе и мне? И кому еще?

– Может быть, он ангел?

– Более чем странный ангел, тебе не кажется?

– Никто не знает, какие ангелы на самом деле.

– Да, ты права... А картину твою я все же куплю. Она талантливая. Напоминает мне о детстве и нашей с тобой любви...

Проснулся Иван от обиженного сопения. Сопел Петр Вениаминович, разумеется. Кто ж еще может так нагло сопеть среди ночи?

– И почему это, позвольте спросить, молодой человек, я не похож на ангела? Чем я не ангел? – он умолк и продолжил пыхтеть. Сегодня он был наряжен в дешевый серый костюм в тонкую полоску, нарукавники, какие носили в стародавние

времена бухгалтеры, чтобы не запятнать рукава своего единственного пиджака. Бабочка на сей раз была в высшей степени сдержанная – васильково-синяя, без излишеств. В руках у него были счета. От него пахло нафталином. – Ну, так чем я не ангел? – бровь его изогнулась угрожающе.

– Не похож, – дерзко ответил Иван. – Скорее на демона похож. Или даже черта. Уж не обессудьте.

– Будто вы, люди, знаете, как выглядят черти и ангелы. Наивное заблуждение. Еще более нелепыми кажутся ваши представления о добре и зле. Даже смешно, ей-богу, иногда за вами наблюдать. Совершите подлость и такой частокол из самооправданий нагородите, что, уже по вашему разумению, получается, что поступили что ни на есть благородно. А любое благое дело можете представить как гадость какую-нибудь: сублимацию, замаливание грехов, случайность... Да что там говорить, сами все прекрасно знаете. – Петр Вениаминович усмехнулся. – Словом, это я к тому, что вы не можете строить догадки, основываясь на мифах и фантазиях, на том, чего не разумеете. Оставьте это. Пустое.

– И все же, кто вы? – возразил Иван. – Мне кажется, я вправе знать, с кем я имею честь разговаривать с пугающей частотой и чьи распоряжения я исполняю с риском для своего психического здоровья.

– Что ж, ваши аргументы, безусловно, убедительны, и я по-человечески вполне понимаю ваше любопытство, однако удовлетворить его пока не могу. Не горячитесь. Все узнаете в

свое время, а если даже случится так, что этого не произойдет, что ж... мир полон загадок и тайн. Как вам, кстати, Машенька? Не разочаровались в своей первой любви-то?

– Вам-то что? С какой стати я должен исповедоваться неизвестно перед кем? – огрызнулся Иван.

Петр Вениаминович придал своему взгляду теплоту и участие.

– Иван Сергеевич, ну вообразите, что я ваше подсознание, например, или совесть, или Альтер эго, одним словом, что я – часть вашей природы. Как вам такое предположение? – Иван посмотрел на ночного гостя беспомощно. – Да бросьте стесняться-то. Все свои, право слово. Вам же необходимо выговориться, а кому вы обо всем этом можете рассказать? Ну не жене же, в самом деле. – Он язвительно улыбнулся. – Машенька-то по-прежнему хороша, да? По-прежнему волнует? В высшей степени соблазнительная особа..., – теперь улыбка была плотоядная, как бы демонстрирующая, что кто бы он ни был, а ничто человеческое ему не чуждо.

– Да, соблазнительная, – согласился Иван, – только уж очень несчастная и совсем одинокая.

– Не преувеличивайте, молодой человек. Не такая уж она несчастная и вовсе не одинокая. Да, у нее нет сейчас мужчины, ну так это только потому, что для нее сейчас время собирать камни, она исправляет некоторые свои ошибки, которые допустила в общении с представителями противоположного пола, в том числе и с вами, кстати сказать. Мужчи-

ны нет, но это временно, и это не значит, что она одинока. У нее есть любимая дочь, друзья. Нет, Иван Сергеевич, не такая уж она и несчастная, как вам могло показаться. А то, что она взбалмошная истеричка, пардон, так это характер у нее такой. Будь она спокойной и правильной, так она бы не смогла заниматься творчеством. Не нужно ей быть счастливой. Это ей только навредит. Ей нужны сильные эмоции. Лучше плохие, чем хорошие. Такая странная женщина. Одна из любимых моих подопечных. Яркая, стремительная, сумасшедшая! Да что я вам рассказываю, вы и сами все это знаете, сами ведь столько лет ее любили. Пардон за лирическое отступление. Увлёкся.

– Если я вас правильно понял, то спасти нужно не ее?

– Очевидно, да. Но кое-что приятное вы можете для нее сделать.

– И что же?

– Вы меня удивляете, Иван Сергеевич. Все вы хотите каких-то готовых решений. Сами подумайте, молодой человек. Ну, хорошо, – Петр Вениаминович неожиданно смягчился, – черт бы побрал мою доброту, я дам вам маленькую подсказочку. В данную минуту она не спит. Она думает о тебе. Ее, признаться, не сильно беспокоит, что она бросила тебя и тем самым сильно подпортила тебе все будущие отношения с дамами. Нет, она страдает, что из-за нее ты не стал художником. Она себе напридумывала, что в этом твое призвание. Вспоминает твои рисунки. Она их помнит. Она так сильно

тебе завидовала, что помнит их до сих пор. – Петр Вениаминович, как всегда молниеносно, ликвидировал умильное выражение на лице и превратился в сухаря-бухгалтера. – Итак, что мы имеем? – он откинул в сторону две белых костяшки на счетах. – С нашей с вами первой встречи прошло уже три недели, а вы пообщались всего с двумя своими женщинами. И до сих пор, заметьте, никого не спасли. Надо бы как-то ускорить процесс, вы не находите? – Петр Вениаминович сурово взглянул на Ивана и исчез.

Через три дня Иван снова позвонил в дверь большой, запущенной квартиры в переулке на Плющихе. Машка была не одна, она держала за руку тоненькую девочку лет шести с огромными голубыми глазами, похожую на ангела и Машку в детстве.

– Это Ариша, моя дочь, это Иван, мой школьный друг. Пойди в свою комнату, зайчонок, поиграй, мама скоро придет, – обратилась она к дочери.

Сегодня Машка была тихая, умиротворенная и безумно красивая.

– Я пришел за картиной, принес деньги. – Сказал Иван. – И вот еще, у меня для тебя небольшой подарок. – Он протянул ей сверток. – Только очень прошу, вскрой после того, как я уйду...

В свертке был рисунок, выполненный черной гелевой ручкой. На рисунке – старый купеческий особнячок – художественная школа в маленьком городке, пруд, ряд тополей и

один склоненный к воде... Еще в свертке была записка: «Это я нарисовал вчера. Я был безмерно удивлен, что я по-прежнему умею рисовать. Ты не представляешь, какое удовольствие мне это доставило. Какой я был дурак, что долгие годы лишал себя этого счастья. Но я, увы, не художник. Мое призвание не в этом. Ты была права, если бы мне на роду было написано стать художником, я бы стал им, и никакая взбалмошная девчонка мне бы не помешала. Ты права. Ты ни в чем не виновата. И еще... Я не врал, я действительно тебя очень любил. И до сих пор, наверное, эта любовь еще жива где-то в глубине моей, ставшей черствой и циничной, души. Ведь первая любовь хотя и проходит, но она навсегда. Будь счастлива!».

Глава десятая

Иван сидел в своем кабинете и изучал отчет, предоставленный детективом. В нем содержалась информация о женщине, которую Иван любил в студенческие времена, об Ирине Завьяловой. Судя по отчету, она стала весьма и весьма преуспевающей дамой, совладельцем и генеральным директором строительной компании, возводящей особняки в Подмоскowie. Не замужем. Детей нет...

Ирина Завьялова. Иван с радостью забыл бы это имя навсегда. Прошелся бы ластиком по своей памяти, стер бы эту линию жизни, как стирал некогда неудачные карандашные штрихи с плотной белой бумаги в художественной школе. До сего момента Ивану даже казалось, что это ему почти удалось. Но вот опять черными бездушными буквами по белой офисной бумаге написано – Ирина Завьялова. Черт! Черт! Черт! Петр Вениаминович, ну ведь ее-то наверняка не нужно спасать! Она же в порядке! В полном порядке! Она же наверняка богаче его, Ивана. Чем он может помочь женщине, у которой и так все есть? А у нее ведь наверняка все есть. Ну, мужа нет, ну детей. А, может, ей этого и не надо? Но не может же он на ней жениться, да и не захочет она, да и детей она от него не захочет. Это уж точно. От него точно – нет. Дай бог, если она его хоть ненавидеть перестала. Но простила вряд ли. Такое не прощают. Петр Вениаминович, милень-

кий, а может, не надо? А может, не надо? Пожалуйста.

Иван считал себя умеренно порядочным человеком. Не особо, конечно. Но все ведь такие. Кто без греха? Но вот когда он вспоминал Ирину Завьялову, сразу становился редкостным подлецом и мерзавцем. Он окончательно терял покой и начинал себя ненавидеть. К счастью, это быстро проходило, забывалось, терялось под ворохом неотложных дел и забот. Ирина Завьялова – это как клеймо предательства, которое красовалось на Ивановом лбу. Ладно, хоть никто не видел. Но сам-то Иван знал, что оно там есть. Петр Вениаминович, миленький, может, все же не надо с ней встречаться?

Иван встал, подошел к окну. В Москве шел снег. Крыши домов немного побелели. Что ж, хоть не так мрачно. Иван вернулся к столу. Стал перебирать бумаги, которые секретарша принесла ему на подпись, и вдруг наткнулся на пожелтевший лист бумаги для акварели, на котором черной тушью, каллиграфическим почерком было начертано всего одно слово: «Трус». Иван не мог заподозрить в такой дерзости свою секретаршу или кого-то еще из своих подчиненных. К тому же это был своеобразный ответ на те вопросы, что крутились в его голове в течение последних пятнадцати минут. Совершеннейшая глупость и стопроцентная чертовщина, взятому реалисту не пристало так размышлять, но Иван сразу понял, кто автор данного изысканного по форме и примитивного по сути хлесткого оскорбления – Петр Вениаминович. Кто ж еще?

– Трус! Трус! Это, между прочим, не трусость, а элементарный инстинкт самосохранения! Ладно, черт с вами, господин Мефистофель, сатир старый, доставлю я вам это удовольствие, вы ведь не отвяжетесь. Можете насладиться моим унижением и моими страданиями. Так уж и быть, позвоню я Ирине Завьяловой. Только вам не приходит в голову, что в этом случае кому-то придется спасать меня? Хотя, вряд ли найдутся желающие совершить такой благородный поступок. Да и зачем меня спасать? Действительно, такому негодяю не место на земле! – подумал Иван и отправился обедать. Он решил, что возобновить общение со своей старинной любовницей все же лучше на сытый желудок. К тому же обед – прекрасный способ потянуть время...

Когда Иван добрался до своего кабинета, он долго сидел, уставившись в стену. Голова у него кружилась, руки вспотели, в животе происходили малоприятные движения – идея с обедом оказалась не слишком удачной. Телефоны трезвонили. Он вяло отвечал. Все от него что-то хотели. А он был недееспособен, его мысли заняты только необходимостью позвонить Ирине и невыносимостью этой необходимости. Невозможностью. Страхом. Иванова пижонская, розовая рубашка в подмышках потемнела от пота. Он уже и не помнил, когда в последний раз так волновался. Взял в руки телефон. Отложил. Снова взял. Набрал номер мобильного телефона Ирины. Гудки. Гудки. Голос:

– Да! Алло! Подождите секундочку. Так, мать твою! Что

за фижня? Чего ты там не успел?... Я хочу, чтобы это было готово еще вчера! Ты меня понял?... Убытки кто будет возмещать? Ты?... И твои внуки не успеют расплатиться! Давай-давай, пошевеливайся!.. Да, я вас слушаю, извините. – Очевидно, сейчас она обращалась уже к Ивану.

– Ирина? – осторожно уточнил он.

– Да, кто это?

– Ирина, добрый день! – голос дрожал. – Это Иван. Иван Лёвочкин. – В Ивановом потрепанном телефоне – он никогда не стремился иметь дорогих модных телефонов, ему было все равно – повисла тишина. Тишина была густая, тяжелая. Наконец она взорвалась криком, явно замешанном на слезах:

– Ты? Ты? Чего тебе снова надо от меня, подонок? – кричала не сорокалетняя преуспевающая дама, а девчонка двадцати одного года, некогда обиженная и растоптанная Ивановом.

– Мне... мне... нужно с тобой встретиться.

– Зачем? Опять изгадить мою жизнь? О, поверь мне, я и до сих пор еще не могу отмыться от того дерьма, в которое ты меня втоптал!

– Я хотел попросить у тебя прощения. Я знаю, что я негодяй и подонок, и не сомневайся, я не могу простить себе, что тогда так с тобой поступил.

– Бедный, совесть тебя грызет? Так тебе и надо! Ладно, я человек занятой, некогда мне выслушивать исповеди рас-

кажавшегося грешника. Извинился – и до свидания. Бог простит, а я, извините, не могу.

– Постой! Постой! – взмолился Иван. – Мне необходимо с тобой увидеться! Прошу тебя! Прошу тебя, не бросай трубку!

– А знаешь, давай встретимся. Давай. – Неожиданно согласилась она. – Увидишь, как живет девчонка, которую ты вышвырнул из жизни только из-за того, что она была нищая, и родители у нее были нищие, и они ничего не могли тебе дать. Давай! Я приглашаю тебя в гости, на правах старинного друга, так сказать...

Ирина Завьялова, совладелец и генеральный директор не слишком крупной, но преуспевающей строительной компании, давно не чувствовала себя женщиной. Она была мужиком в юбке. Хотя какие юбки при ее-то работе? Штаны. В последнее время элегантные и дорогие, но штаны. Пиджаки. Рубашки. Простенькая подвеска на шее и кольцо на пальце. Тоже дорогие, но понять это мог только тот, кто в этом разбирается. Никакого кокетства в образе. Она была равная среди мужчин. Если кому-то из ее коллег, подчиненных и партнеров и приходило в голову приударить за этой чрезмерно деловой дамой с железной хваткой, то действий никаких за этими мимолетными желаниями не следовало. Геев среди этих brutальных мужчин не было, а ухаживать за ней – это все равно, что приставать к себе подобному, то есть к мужику. В тот день, когда позвонил ее бывший любовник,

Ирина решилась на совершенно безответственный, с ее точки зрения, и даже в некоторой степени безумный поступок: покинула свой трудовой пост за час до окончания рабочего дня и устремилась в бутики. Ей срочно нужен был наряд на завтра. И не какой-нибудь, а роскошный. Такой, чтобы в одно мгновение смог сотворить из жесткой деловой женщины, которая умела материться не хуже собственных прорабов, в соблазнительную, мягкую на вид кошечку. Ирина верила в такое превращение, потому что знала – за деньги можно купить все, абсолютно, ну разве что счастье почему-то не продавалось. Завтра она должна выглядеть не жалким трудолюбом, которому работа заменяет семью и любовь, а женщиной преуспевшей во всем: и в бизнесе, и в личной жизни. Она корила себя за ту слабость, что проявила сегодня в разговоре с Иваном, за этот крик, за эти слезы. Она должна была продемонстрировать снисходительное равнодушие, а тут... Ирина никогда и никому бы не призналась, что этого звонка она ждала долгие годы. Что она тысячи раз репетировала этот разговор. Она и не надеялась, что он когда-нибудь случится, но хотела его. Хотела что-то доказать этому человеку, который тогда, на заре ее взрослой жизни так поглумился над ней.

– Алло. Кто это? Иван? Лёвочкин? Старый знакомый? Извините, но не припомню такого в числе своих знакомых. Вместе учились в университете? Да разве всех-то упомянешь? Хотите увидеться? Ну что ж... запишитесь на прием

у моего секретаря. Встреча в неформальной обстановке? Извините, но ничем не могу вам помочь, только на общих основаниях и только в моем рабочем кабинете.

– Алло. Иван Лёвочкин? Что-то смутно знакомое. Где мы с вами встречались, говорите? В постели? Ах, так это тот потливый скорострел, с которым я имела глупость спать на четвертом курсе?

– Алло. Иван Лёвочкин? Денег в долг? А ты что же, обеднел? Ты ведь собирался сказочно разбогатеть? Не получилось? Ай-яй-яй. Вот ведь судьба-злодейка. Как она с тобой жестоко обошлась. Кошмар! Ужас! Что ты, я совсем не издеваюсь. Да, дам я тебе денег, дам. Не стоит так волноваться.

Так Ирина собиралась поговорить со своим бывшим возлюбленным. А что получилось... Банальная бабская истерика. Как глупо. И как унижительно. Ну, ничего, завтра-то она возьмет реванш. Нужно платье она нашла. Даже несколько.

На следующий день Ирина Завьялова совершила еще более безумный поступок. Она вообще не явилась на работу. Перепоручила все дела своим замам, а сама отправилась в салон красоты. Вышла оттуда спустя несколько часов посвежевшая, помолодевшая, с новой прической и новым цветом волос. И очень взволнованная. Хуже чем перед экзаменом по сопромату. Размышления ее крутились вокруг того, чего выпить для храбрости: старой доброй валерьянки или коньяка? Решила, что коньяк надежнее.

А Иван, как ни странно, был озабочен теми же пробле-

мами: то есть усовершенствованием собственной внешности и стимуляцией своей храбрости, которая совершенно безответственно ушла в загул, бросила своего хозяина в такой сложный момент. В итоге Иван нарядился в свой любимый темно-синий костюм из тончайшей шерсти, который заметно его стройнил, бледно-лиловую сорочку, галстук на два тона темнее сорочки, в синюю полоску, платиновые запонки с сапфирами и бриллиантами. Вместо обеда заехал в салон: постригся, сделал маникюр, посетил солярий. Иван вовсе не надеялся таким образом вернуть утраченное доверие своей бывшей любимой девушки, не хотел вновь ее покорить, не боялся показаться старым и облезлым. В отношениях с этой женщиной это было совершенно не важно. Он боялся показаться аутсайдером. Ему нужно было продемонстрировать успешность и состоятельность. Ведь именно этим божкам он и принес в жертву свою великую любовь. В качестве средства для поисков сбежавшей храбрости, так же, как и Ирина, Иван предпочел коньяк.

Ровно в восемь вечера, преодолев могучие, беспросветные пробки, машина Ивана подкатила к четырехэтажному, стилизованному под средневековый замок, особняку в Барвихе, в котором обитала Ирина. Дом поражал воображение размерами и пошлостью. У Ивана такого дома не было. Пока не заработал на такой. Он выбрался из машины и побрел к роскошным кованым воротам, сжимая в одной руке дизайнерский букет цветов, а в другой – бутылку коллекционного

коньяка...

Иван никогда бы не обратил на Ирину внимания. Это была серая мышка. В каких-то мешковатых джемперах, свободных, потертых джинсах, кедах. Темные волосы собраны в неопрятный хвост. Уродливые очки. Настоящий ботаник. Классический. Ивану нравились белокурые светлоглазые ангелы. Точнее, чаще всего дьяволицы, отчего-то похожие на ангелов. Он в то время был студентом третьего курса юридического факультета. Мечтал построить в России правовое общество. Он тогда еще не имел достаточного жизненного опыта, чтобы распрощаться со всеми своими иллюзиями. Ирина училась на четвертом курсе строительного факультета. Она мечтала строить дома. Красивые. То есть иллюзий у нее тоже еще было хоть отбавляй. А вообще странно, что они встретились. Университет был огромный, корпуса разбросаны по всему городу, да и студенческий городок занимал приличную площадь. Ирина заприметила высокого симпатичного юношу в очках, обладателя породистого интеллигентного лица, в студенческой столовой, которая находилась рядом с главным корпусом университета, недалеко от общежитий. Туда многие ходили обедать после занятий. Мальчишки и девчонки с разных факультетов. Там она не столько ела жиденький суп, слипшиеся макароны и хлебные котлеты, сколько пожирала глазами Ивана. Хотя тогда она еще не знала, как его зовут. Для нее он был таинственный незнако-

мец. Ее тайная страсть. Романтическая влюбленность. Она краснела и чуть ли не теряла сознание, когда он случайно смотрел на нее. Она и не надеялась, что они когда-нибудь познакомятся. Такая страшная девчонка, как она, никак не подходит такому красавчику, как он. Это она понимала. Но никто же не мог ей запретить любоваться им издали, оставаясь незамеченной, скрытой, как шапкой-невидимкой, собственной некрасивостью, которая, впрочем, не была настолько выдающейся, чтобы привлекать к себе излишнее внимание. Хотя однажды все же Иван ее заметил. Приятель, с которым он обедал, ткнул его в бок и сказал:

– Посмотри-ка, вон та мымра в старушечьих очках глаз с тебя не сводит. И это уже не в первый раз! Влюбилась, наверное. Иди, познакомься! Вы будете прекрасной парой! Ха-ха-ха.

Иван послал девушке воздушный поцелуй и расхохотался. Она сразу сгорбилась, лицо пошло красными пятнами. Она попыталась подцепить гнутой алюминиевой вилкой скользкую макаронину, макаронина сорвалась. Ирка швырнула вилку, подхватила сумку и неловко побежала к выходу, по пути сшибив пару стульев и одного студента с подносом.

– Ну, точно влюбилась, – резюмировал Иванов приятель. – Ты к ней присмотришь, если ее раздеть, может, она и ничего окажется.

– Кончай издеваться, – одернул его Иван.

Ночью Ирка долго рыдала в комнате общежития, предна-

значенной для сушки белья. Ненавидела себя за свою некрасивость, неуклюжесть, неумение быстро и адекватно реагировать на такие вот ситуации, неумение общаться с парнями. Тогда впервые закурила.

Несколько дней она не решалась показаться в этой столовой, а потом все же пришла. Совсем не видеть своего любимого оказалось невыносимее, чем страх очередного позора. Ивана не было несколько дней. Потом появился. Теперь уже Ирка смотрела на него лишь украдкой. Осторожничала. И приходила не каждый день – конспирация. Эти странные встречи в замызганной столовке с отвратительной, но дешевой едой и компотом из сухофруктов были тогда смыслом Иркиной жизни. Ну и учеба, конечно. Она сдала зимнюю сессию и уехала на каникулы домой – в такой же маленький городишко, из какого в областной центр явился и Иван. Это было невыносимо. Десять дней даже без надежды увидеть его. Она не могла дождаться, когда же эти чертовы каникулы наконец закончатся. Конечно, они закончились. Ирка вернулась в общежитие. Презрев пироги с луком и яйцом, копченое сало, соленые огурцы и вишневое варенье, привезенные из дома, помчалась в столовую. Прекрасного незнакомца в очках там не было. Ирка сидела над картофельным пюре с жареным минтаем полчаса. Не съела ни кусочка. Иван не пришел...

В середине февраля в университете начались традиционные волнения – подготовка к фестивалю «Студенческая

весна». Это был не просто конкурс студенческой самодеятельности, это было событие, битва, соперничество, всплеск творческой энергии, вихрь приключений и ураган страстей. Позитивное стихийное бедствие, если такое вообще возможно. Ирка тоже участвовала. Исполняла весьма эмоциональную песню собственного сочинения о несчастной любви. Аккомпанировала себе на гитаре. Как глупо устроен мир... Один человек изнывает от любви, а другой даже не догадывается об этом. Они ходят по одним и тем же улицам... Почему же их пути не пересекаются?... Кто может сделать так, чтобы они, наконец, встретились? Такая песня...

Строительный факультет в те времена не пользовался популярностью. Учились там, в основном, деревенские мальчишки, которые прельстились не будущей профессией, а малым конкурсом при поступлении. Лишь бы был диплом. Какие перспективы у строителя в стране, в которой в те времена почти ничего не строили, в стране, которая трещала по швам, а потом и вовсе развалилась? Тогда казалось, что никаких. Только безумцы, вроде Ирки, тогда верили, что вся эта чехарда рано или поздно закончится и настанет строительный бум. И можно будет возводить не унылые, депрессивные панельки, а прекрасные дома, удобные и просторные. Ирке хотелось дворцы строить. Ясновидящей Ирка не была, но тут все предсказала правильно. И дворцы ей строить довелось.

Так вот, талантами строительный факультет не блистал.

На Студвесне строители заняли свое обычное – предпоследнее место и угомонились до следующей весны. Иркин номер отметили. Одна старая дева из жюри, представитель отдела культуры из облисполкома, даже украдкой смахнула слезу во время щемящего душу Иркиного пения – ее тоже давно терзал вопрос, почему ей нормальные мужики-то на жизненном пути не встречаются? Где они бродят эти нормальные мужики и почему обходят ее стороной? Гады!

Ирка, конечно, хотела на концерт принарядиться, но, увы... не было у нее ни платья приличного, ни туфель. А если уж честно, то не было ни одного платья и ни одних туфель. Совсем. И денег у родителей не было, чтобы дочери много одежды покупать, да и поводов носить легкомысленные платьица у Ирки было немного. А сейчас вот случился, а она оказалась к нему не готова. Поискала у подружек – ничего не подошло. В платьях Ирка казалась себе какой-то ненатуральной. Ей даже почудилось, что из зеркала на нее смотрел кто-то другой. Какая-то незнакомая девчонка, нелепая, неуклюжая. Из-под красивого платья торчали тонкие ножки. Над платьем – тонкая длинная шейка. Гусиная какая-то. Да еще очки эти... Со штанами они еще выглядели более-менее гармонично, а у ж с платьем-то... Сушая катастрофа. Так и вышла на сцену все в тех же джинсах и в клетчатой рубашке. Как обычно. А ведь так хотелось быть красивой. Так хотелось... А вдруг в зрительном зале будет дивный мальчик из ее грез. Хотя глупо на это надеяться. Не пойдет такой маль-

чик на захудалую студвесну строительного факультета. Запела. Разволновалась. Пыталась найти его глазами. Плюнула. Бессмысленное занятие. Зрительный зал из отдельных лиц, глаз, деталей слился в некий монолит. Решила, что он все же есть в зале. Пела для него. Хотела, чтобы он понял. Чтобы он все понял. Никто никогда не будет любить его так, как любит его она. Пойми это, дурачок, и приходи ко мне за кулисы. Прямо сейчас. Ну! Где же ты? Аплодисменты.

Ивана на том концерте, конечно же, не было. Он был звездой своего факультета. И, разумеется, ходил на выступления конкурентов. Только вот стройфак их юридическому конкурентом не был. Поэтому и не пошел. Нечего время терять.

Ничего этого Ирка не знала. Собственно, она ничего не знала об Иване, кроме того, что он самый лучший человек на свете. Она могла бы навести о нем справки, но не хотела. Ей безумно нравился ореол таинственности, который окутывал ее возлюбленного. Бегала с подружкой на все концерты подряд в надежде встретить своего красавчика. Увидела на концерте юридического факультета и с размаху влетела в очередной круг отчаяния – этот мальчик был настоящей звездой и уж точно не парой ей. И в СТЭМах он, и в танцах-плясках. Лучший. А она кто? Очкастое чудо-юдо. Он тоже очкастый, но как-то по-другому. Красиво очкастый.

Юридической факультет занял первое место.

В конце апреля перед майскими праздниками был сборный концерт фестиваля, в котором планировали показать

лучшие номера со всех факультетов. За кулисами царило суматошное, истерическое веселье. Мальчишки пили водку. Закусывали сырками «Дружба». И девчонкам наливали понемножку. И Ирке досталось. Она была так взволнована близостью Ивана, который, разумеется, тоже участвовал в концерте, что решила выпить. Зарумянилась. Глаза заблестели. Пела так вдохновенно. Потому что точно знала – он хоть краем уха да услышит ее. А он и услышал. Сказал другу: «Хорошо поет девка, жалко, что страшная такая. Где-то я ее видел что ли?».

Концерт закончился, зрители разошлись, а возбужденные самодеятельные артисты снова принялись пить водку. Ирка тогда в первый раз в жизни напилась. «Я должна что-то сделать! Должна что-то сделать! Прямо сейчас. Другого шанса может и не быть. Черт! А что делать-то?» – думала Ирка. После пятой рюмки она решительно, слегка покачиваясь, подошла к Ивану.

– Ирина. – Представилась она и по-мужски протянула ему руку для рукопожатия.

– Иван. – С улыбкой ответил он и пожал протянутую руку, которая неожиданно оказалась очень мягкой и нежной.

– Ванька, значит. Хи-хи-хи. Ик. Ой! А я и не знала, что я такая смелая, когда выпью. Пойдем. Давай вставай, вставай, пошли!

– Куда?

– Туда. – Ответила Ирка и неопределенно махнула рукой

куда-то в сторону, ощутило покачнулась.

Иван потом не мог понять, почему он пошел за этой некрасивой пьяной девицей. Видимо, тоже был сильно пьян.

Они забрались на верхотуру, в странное помещение над сценой и зрительным залом. Лабиринт переходов, свет, люющийся неизвестно откуда, прожекторы, непонятные приспособления, декорации, пыль... Голоса и хохот внизу. Пустые ряды кресел под ногами. Ирка шла по узкой дорожке над бездной, держась за перила. Иван брел за ней. Сам не знал почему. Он был здесь не в первый раз. Он знал, что сюда парочки забираются не просто так. Кто романтики ради, кто ради секса, а кто и ради того и другого. Но сейчас... он не мог даже представить, что эта бесформенная девица решится его соблазнить. Он ожидал какой-то пьяной комедии, а стал свидетелем волшебного превращения. Ирака остановилась. Сначала она распустила волосы, потом сняла очки, неловко засунула их в карман джинсов. Икнула. Сдернула с себя огромный серый джемпер, связанный мамой или бабушкой, бросила его на грязный пол, осталась в белом, застиранном лифчике. Вздохнула. Сняла и его. Тоже бросила. Перешагнула через свою одежду и оказалась совсем рядом с Иваном. Он дрожал. Эта девушка была прекрасна. Блестящие темные волосы рассыпались по хрупким плечам, огромные карие глаза сияли. Он и предположить не мог, что у нее такая великолепная фигура: большая грудь, очень тонкая талия. Как? Как она умудрялась так себя уродовать?

– Какая ты красивая! – выдохнул Иван.

– Глупости, – прошептала Ирка и поцеловала его. – Моя песня была о тебе.

Глава одиннадцатая

Ивана встретил крупный мужчина в черном костюме. Очевидно, охранник или что-то в этом роде.

– Иван Сергеевич Лёвочкин?

– Да.

– Проходите. Вас ожидают.

Мужчина отпер ворота, впустил Ивана, попросил следовать за ним и направился по дорожке, обсаженной туями, к дому.

Они вошли в огромный холл. Наверное, это был каминный зал. Плюс кухня и столовая. В псевдоготическом стиле. Стрельчатые окна с витражами. Искусственный камень на стенах. А может, и настоящий, черт его знает. Кованые канделябры. Тяжелая мебель. Бильярд. Огромный телевизор. Как-то совсем уж неуместно. Иван хмыкнул.

– Просто удивительная безвкусица, – подумал он с завистью. – Будь в моем распоряжении такие площади, я бы все сделал по-другому.

– Ирина Сергеевна ожидает вас в гостиной на втором этаже. – Провозгласил мужчина в черном костюме.

Иван покорно поднялся на второй этаж по лестнице с коваными перилами. Гостиная была поприятнее – белая, с хрусталами и позолотой. Впрочем, хрустала, позолоты и завитушек на мебели было чересчур много. Какое-то варварское

барокко. Чудовищное разностилье, если принимать во внимание первый этаж. Но богато, богато! Тут уж не поспоришь.

В кресле сидела женщина. Увидев Ивана, она поднялась ему навстречу. Все та же тонкая фигура, короткая мальчишеская стрижка, маленькое черное платье, очень элегантное и дорогое. Даже удивительно, что обладательница этих апартаментов способна одеваться с таким отменным вкусом. Конечно, Ирка не помолодела. Она не была уже той юной, наивной дурнушкой, которая преображалась в сексапильную красотку с обложки «Плейбоя», стоило ей сбросить с себя одежду. Ивану каждый раз эти превращения казались настоящим волшебством. Ирка, Ирка... Конечно, она не помолодела. Зато теперь и в одежде выглядела вполне сексуально. И очки исчезли. Иван даже самодовольно подумал, что он вообще молодец – выбирает себе, действительно, красивых баб, которые с возрастом становятся все лучше, как коллекционный коньяк, который он сейчас нелепо прижимал к груди.

– Риша, ты еще красивее стала. Я восхищен! – сказал Иван и галантно склонил голову.

– Садись уже, старый льстец, – улыбнулась Ирина, тут же спохватилась и придала лицу надменное выражение. Было видно, что комплимент Ивана ее порадовал.

Двое бывших возлюбленных чинно уселись в кресла друг против друга.

– Что будешь пить? – поинтересовалась Ирина.

– Ах, да, – спохватился Иван и вручил Ирине букет и бутылку. – Вот, давай коньячку и выпьем.

– Есть хочешь?

– Я думал, ты меня с порога убивать начнешь, а ты еще и поесть предлагаешь. Знаешь, я восхищен еще больше! – он улыбался, но коленки у него немного дрожали, еще он чувствовал, что снова начал потеть.

– Не ерничай. Убивать еще буду, не переживай. Возмездие должно свершиться. Но должна же я по старой русской традиции тебя сначала напоить, накормить, а может быть еще и спать уложить. Да шучу я, шучу, расслабься, спать укладывать не буду. Хотя... – она плотоядно улыбнулась, – это как пойдет. – При этом подумала: «Странно, я еще не разучилась кокетничать. А этот кобелина стал еще привлекательнее. Прямо настоящий джентльмен. На наших стройках таких не водится. Так, не думать о нем хорошо. Не думать. Он тебе всю жизнь сломал...».

– Ну, так есть будешь? – спросила она вслух.

– Не откажусь.

Ирина схватилась за белый ретро-телефон, два раза крутанула диск:

– Алло, Лена, принеси нам какой-нибудь еды на второй этаж... Да все равно... Травы какой-нибудь с бальзамиком, помидоры, сельдерей, сыры. Ты же там еще что-то готовила, вроде. Давай, тащи. Ждем. Разливай, – скомандовала она уже Ивану. – Бокалы перед тобой, на столике. Ты куришь? Нет?

Молодец. А я закурю, пожалуй.

Ирина закурила. Иван разлил коньяк. Повисла пауза.

– Надо было внизу устроиться, – наконец сказала Ирина. – Там удобнее, кухня рядом. Хотя там неуютно. Да и здесь, в общем, тоже. Не люблю этот дом. Заниматься стройкой и дизайном времени не было. Сапожник без сапог. Ну, мне тут и наворотили этих вот кремовых роз с торта. «Ах, ну это же так солидно, так дорого, так подчеркивает ваше высокое положение в обществе!» – передразнила она какого-то неведомого дизайнера или декоратора, – я сюда и не захожу. Это так, для гостей. Для статуса. – Она усмехнулась. – А я сразу к себе на четвертый этаж поднимаюсь. Я когда поняла, что мне эти чертовы специалисты весь дом испортили, последним этажом сама занялась. Там у меня по-простому все. Чужаков туда не пускаю. Не поймут ведь. Выпьем?

– Давай. За тебя! – Иван поднял бокал.

«Может, обойдется? – подумал он. – Вроде она спокойная. Не набросилась на меня с кулаками. Может, мирно поговорим и разойдемся? Дело-то ведь прошлое. Да и спасти ее, вроде бы, не надо. Она в полном порядке...».

– Ты одна здесь живешь? – спросил он осторожно и тут же понял, что совершил глупость. Ирина сделала большой глоток коньяка, как-то ссутулилась, мгновенно растеряла весь свой лоск и ответила с вызовом:

– Отчего же одна? У меня тут еще домработница живет и садовник. Водитель еще. Я не одна. А ты?

– Что я?

– С кем живешь?

– С женой.

– С Ольгой?

– Нет, с другой. С Ольгой мы давно разошлись.

– Дала она тебе то, чего ты от нее ждал?

– Нет.

– Видишь, а я бы могла. Вот это все могло бы быть и твоим. Хотя какое это теперь имеет значение?

Иван не знал, что ответить. Его спасла домработница Лена, которая неожиданно появилась из дверей лифта с сервировочным столиком.

Когда она удалилась, Иван и Ирина принялись за еду. Что угодно, лишь бы не разговаривать. Все же говорили. Рассказывали о своих успехах. Мерялись крутизной. Напивались.

– Я так и не поняла, а зачем ты пришел-то? – спросила Ирина, когда глаза ее наполнились хмельным блеском.

– Извиниться. Я просто хотел попросить у тебя прощения. Снять камень с души.

– А-а-а-а, – протянула Ирина, – снять камень с души... вон оно что. Неужели совесть заела? Что-то не верится. Столько лет не ела, а тут вдруг... Как трогательно! Как трогательно! Говори честно, чего тебе от меня нужно?

– Ничего...

– Ничего?

– Ничего... Хотел сказать «прости», глядя тебе в глаза.

Хотел, чтобы ты меня простила. Кто знает, может нам обоим станет легче жить после этого. Хотел узнать, чем я могу тебе помочь?

– Скажите, пожалуйста, какой он стал благородный, а вот тогда, когда ты бросил меня, ты не был таким благородным. Подонок! Жалкий ублюдок!

Ирина разрыдалась. Иван бросился к ней, опустился перед ней на колени, обнял за ноги.

– Прости! Я тебя умоляю, прости меня! Я знаю, что это сложно. Невозможно, наверное. Я бы и сам себя не простил. Да я и не простил. Когда я вспоминаю о тебе, чувствую себя последним негодяем. Если не простишь, я тебя пойму.

– Этот дурацкий, нелепый дворец только для тебя! – закричала Ирина. – Специально его построила, потому что надеялась, ты однажды придешь, увидишь и поймешь, что зря ты от меня отказался! Зря! И со мной бы ты достиг того, чего достиг, а может быть даже большего. Я дала бы тебе больше, чем эта твоя злобная блондинка! О! Как я карабкалась из нищеты! Ты бы знал, чего мне стоило все это! – она обвела рукой свою чрезмерно роскошную гостиную. – Это тебе не история Золушки! Это тебе не сказочка! Никаких чудесных превращений! Это пот, кровь, бесконечная работа, риск, обман, кидалово, куча хронических болезней. Все было. И зачем? Зачем? Чтобы доказать вот этому вот пресыщенному, богатому, бездушному, эгоистичному болвану, что я чего-то стою? Боже, какая же я дура! На что я угробила свою жизнь?

Ни семьи, ни детей! Одна! Одинокая старая развалина! Никому не нужная! Никому! Какая дура, какая дура! Я же женщиной уже давно перестала быть! Ни баба, ни мужик! Бесполое существо! Ты знаешь, сколько лет у меня секса не было?! В ногах валяешься, думаешь, это вернет мне годы, потраченные черте на что? – Ирка взвыла.

Иван налил минералки в стакан, сначала отпил сам, потом сунул стакан Ирине:

– Выпей, успокойся. – Сказал он, а хотелось отхлестать ее по лицу, чтобы прекратить истерику. Да за что же ему все это?

Ирка жадно выпила воду. Потом несколько раз глубоко вздохнула. Хлебнула еще и коньяка.

– Все. Извини. Я взяла себя в руки. Я спокойна, я совершенно спокойна. – Убеждала она сама себя. – Так, я отлучусь. Ты ведь сможешь пережить вид моего заревавшего не накрашенного лица.

– Не баба она, видите ли, – проворчал Иван, когда Ирина удалилась, – да самая что ни на есть баба. Истеричка. Наговорила гадостей, плюнула в душу, бездушным болваном назвала, а теперь беспокоится, как я на ее не раскрашенное лицо отреагирую. Да пофиг мне. Бездушный болван... Между прочим, никто ее не заставлял все эти годы жить только мстью. Сама так решила. Я-то тут причем? Да, я сделал подлость, но ведь и более серьезные преступления имеют срок давности. До конца жизни что ли теперь расплачи-

ваться? Что ж теперь с ней делать-то? Вот, наверное, разлюбленный Петр Вениаминович забавляется, наблюдая эти душераздирающие сцены. Господи, как же я устал! Домой хочу, спать. Достало все.

Ирина вернулась. Спокойная, как будто это не она только что рыдала и сыпала обвинениями. Без косметики она выглядела моложе. Совсем девчонка. Такую трудно заподозрить в умении правильно обращаться с прорабами и бригадирами.

– Пойдем наверх, – предложила она, – неуютно мне среди этого бисквитного торта.

Иван с тоской посмотрел на лестницу, ведущую вниз, вздохнул и покорно пошел к лифту, который должен был увезти его наверх...

Ирка и Иван стали встречаться. Тогда, в ДК университета, Ивану хватило мужества не воспользоваться отчаяньем пьяной девушки. Он тогда расцепил объятия, начал судорожно ее одевать. Она было принялась реветь, почувствовав себя отвергнутой, но Иван твердо сказал ей:

– Ну что ты, дурочка! Ты же потом жалеть будешь о том, что сегодня натворила. Ты очень красивая. Просто потрясающе красива. Не реви. Не обижайся. Скажи мне, где ты живешь, завтра я к тебе приду, а сейчас пойдем вниз.

– Я все решила, я ни о чем жалеть не буду! – взвизгнула Ирка.

– А я буду. – Твердо ответил Иван. И сам удивился этой своей твердости, потому что очень хотел эту странную девушку, которая, как лягушка, умела сбрасывать свою кожу и превращаться в прекрасную царевну. Но чувствовал, что торопливый секс над зрительным залом – это не для нее. Почему она на это решилась, он пока не знал, но уже догадался, что это не просто так. Есть какая-то причина.

Они спустились вниз. Сначала Ирка, которая снова обратилась в очкастую дурнушку. Потом – Иван. Тогда, будучи студентом третьего курса, Иван растерял еще не все представления о мужской чести, почерпнутые из французских романов прошлого века, и боялся скомпрометировать даму. Ирка сразу же сбежала домой, а Иван напился. И все боялся, что об этом инциденте на верхотуре кто-нибудь узнает. Не воспользоваться случаем, когда красивая женщина сама бросается тебе на шею! Тут уж он сам мог быть скомпрометирован.

Он пришел к ней через два дня. В общем-то, не хотел. Просто выдался пустой вечер, друзья разбежались по свиданиям – весна все-таки, а Иван был один. Вот и потянуло его на приключения. К тому же терзали его воспоминания об Иркиной груди. Лучше бы не ходил. Лучше бы книжку почитал. Или пошел к циничным медичкам, среди них были дамы, с которыми можно было бы весело провести вечер без намека на серьезные отношения. Это Иван так потом думал. А тогда он пришел в общагу строительного факультета

с букетиком нарциссов, которые он нарвал на клумбе перед главным корпусом университета. Постучался. Ирка открыла ему дверь. Покраснела, сдернула очки. Он тут же расплылся в ее глазах и превратился в нечто нежно-розово-палевое. Иван обнял ее. Цветы рассыпались по полу. А Ирка повторила свой фокус с перевоплощением из ботанички в сексапильную красотку. Иван пропал. Влюбился. Всегда горел на метаморфозах и несоответствиях. На противоречиях. Потом, правда, захотелось ему, чтобы противоречий стало меньше, чтобы возлюбленная его выглядела прилично не только в голом виде. Словом, Ивану захотелось поменять ей очки, прическу и гардероб. А то от людей стыдно, как говорили у него на родине. Денег не было. От стипендии, на которую на первых двух курсах еще можно было как-то жить, остался лишь дым. Можно сказать, что ее и не было вовсе, инфляция была такая, что полученной сегодня стипендии завтра могло не хватить на пачку сигарет. Подумать только, что еще совсем недавно большинство экономически неграмотных жителей СССР и знать не знало, что такое инфляция. Теперь вот узнали. На практике. Некоторые Ивановы товарищи что-то там покупали, потом продавали – делали бизнес. И неплохо жили. Иван, как ни старался, никаких коммерческих способностей обнаружить в себе не смог. Зато у него было ярко выраженное природное обаяние и редкостное умение извлекать выгоду из слов. Точнее, способность очень убедительно составлять слова в предложения. У него было много зна-

комых, приятелей, друзей и свободного времени – он был нерадивый студент. Вот коммуникабельность-то и помогла найти ему работу. Один приятель переговорил со своим родственником, бывшим номенклатурным боссом, а ныне новым русским предпринимателем, и Ивана приняли помощником юриста в серьезную контору, которая занималась торговлей спиртными напитками. Фактически, а практически – мальчиком на побегушках. Платили, как ни странно, неплохо. Зарплата не то чтобы обгоняла инфляцию, но кое-как за ней все же поспевала. Иван так увлекся работой, что чуть не вылетел из университета, но вовремя опомнился и экзамены сдал, он ведь хотел стать настоящим юристом, а не каким-то там помощником, так что диплом ему был нужен. К тому же на время сессии он был отлучен от Иркиного роскошного тела – она скрылась от Ивана за грудой учебников и конспектов. Иван тосковал и мучился. Сильно похудел, разрываясь между работой, учебой и своими фантазиями эротического характера с участием Ирки, ну и... других привлекательных барышень. Он почти не спал. Все ждал, когда же эти чертовы экзамены наконец закончатся. Закончились. Куда ж они денутся. И вот настал тот день, когда и экзамены остались позади, и пьянки, связанные с отмечанием удачно или неудачно сданных экзаменов, тоже закончились. Ирка звала Ивана на пляж – истосковалась она по солнышку за этот месяц затворничества, а он отказался и повел ее в коммерческий магазин, в комок, как они тогда назывались, и закупил ей

всякого турецкого барахла. Ирка, конечно, отнекивалась и не хотела принимать столь щедрых даров, но Иван настоял, уговорил, убедил. И был счастлив ее радостью и восторгом, и был восхищен ее новым преображением. Так это в нем и осталось. Желание одарить свою женщину и заполучить себе отблеск ее сияющих счастьем глаз.

Начались каникулы. Студенческий городок опустел. Все разъехались по домам. Ирка тоже уехала. А Иван остался – работа. Жил в полупустом общежитии. По ночам даже жутковато было в этих темных, тихих коридорах, где еще так недавно звучал смех, были слышны разговоры, стоны, вздохи, всхлипы, бормотание телевизоров, пение и звон гитарных струн. Из здания будто ушла жизнь. Возвращаться сюда не хотелось. Задерживался на работе подольше. По вечерам гулял по городу. По ночам много читал и писал Ирке длинные письма. Перечитывал ее длинные письма. В круглых, смешных, детских буквах пытался ощутить ее тепло, гладкость ее кожи, ее запах. Грустный, одинокий июль. Както в выходные Иван отправился на пляж – подставить свое бледное, исхудавшее тело хотя бы солнечному теплу, раз уж Иркино недоступно. Будто очнулся от наваждения – вокруг полно девушек. На Ирке ведь не сошелся свет клином. Тут же устыдился своих мыслей. Стал смотреть на реку, на противоположный берег, где рыжел песочный склон, и зеленели сосны. Там, наверное, хорошо. Спокойно. Запах хвои и шашлыков, шорох ветвей. И народу поменьше. А здесь – тела, те-

ла, тела. Толстые и худые, молодые и старые, дряблые и подтянутые, белые и смуглые, красивые и не очень. Да, девушек красивых много. Взгляд Ивана с реки опять плавно перетек на девчонок. Вскоре он выбрал один объект для созерцания: это была высокая, стройная, загорелая красотка, с длинными светлыми волосами. Безмятежная, как богиня. Рядом с ней крутилось три молодца, они изо всех сил старались обратить на себя внимание: они и мышцы свои демонстрировали, и анекдоты рассказывали, и что-то там о турбулентности вещали и сублимации. А она равнодушно возлежала на боку, подперев голову рукой, и читала книгу. Иван напряг зрение и разглядел, что это «Москва – Петушки». Он чуть не присвистнул от восхищения: где эта златокудрая Афродита и где Венечка Ерофеев! Занятный экземпляр! Иван даже влюбился. Слегка. Когда он возвращался домой, это прошло, забылось, смылось потом – жара стояла невыносимая. Его мысли снова вернулись к Ирке. Вот сейчас он понял, насколько по ней соскучился. В следующую субботу он сел в старенький оранжевый ПАЗик и отправился к ней в гости. В ее маленький городишко. Сюрпризом. Наугад. Воображение его разыгралось. Он представлял, как стучится в дверь ее дома, она выскакивает в замызганном халатике, на котором не достает пуговиц, в вырезе темнеет ложбинка ее груди, а из разреза торчит круглая коленка. Представлял, как она бросается ему на шею, целует в губы. К дьяволу всех этих пляжных нимф! Прочь, бесовки! Он едет к своей любимой!

К самой лучшей девушке на свете! К волшебной царевне-лягушке, окутанной таинственными покрывами, обещающими великие открытия! О том, что его дурнушка-красавица, ангел-замарашка обитает с родителями, он старался не думать – боялся. Спокойнее было надеяться, что их не окажется дома. Хотя куда они денутся? Ну да ладно. Прорвемся.

Через два часа автобус остановился рядом с безликим серым зданием автовокзала, похожим на коробку для обуви. Точно такой же был и в Ивановом городке. Иван купил у бабушки букетик садовых ромашек, спросил, как пройти на улицу Лермонтова. У другой бабки купил два пирожка с капустой и яйцом. Так и пошел по пыльной улочке, кусая пирожок, сжимая в руке ромашки, как копье. Фантазировал, будто он странствующий рыцарь в поисках своей дамы сердца, похищенной злобным чудовищем. Драконом, например. Улочка с деревянными домиками, заросшая лопухами, лебедой и одуванчиками, взобралась на пригорок, потом сбегала вниз, привела Ивана к пустынной в этот час базарной площади. Там он застыл в нерешительности, как на перепутье дорог, перед камнем, на котором написано «направо пойдешь – любовь найдешь, прямо пойдешь – заблудишься, налево пойдешь – себя потеряешь». Вспоминал, куда идти дальше. Пошел направо, кажется, так бабка говорила. Еще одна пыльная улочка привела его к овражку, по дну которого катилась шустрая речушка, через нее был перекинут мостик, грубо сколоченный из бревен и досок, шаткий и ненадеж-

ный, выщербленный временем, ногами, снегами и дождями. На склоне оврага среди кустов белела полуразрушенная часовенка. Иван будто на самом деле попал в сказку. Он с опаской прошел по мостику. Дальше дорожка поскакала вверх по хлипким деревянным ступенькам, вывела Ивана на еще одну улочку, потом повернула за угол, и вот она – улица Лермонтова. Осталось только найти ее дом. То есть замок его заколдованной принцессы. А вот и он – небольшой домик в три окна, нарядненький, зелененький, с резными наличниками, очень похожий на дом, в котором жили и Ивановы родители. Ничем не напоминает неприступный бастион. Вместо крепостного рва, подъемного моста и массивных ворот – калиточка. Дверной звонок. Как же решиться нажать на него? А вдруг откроет не Ирка? А вдруг – родители? И что он им скажет? И как они на него отреагируют? А вдруг выгонят взащей? Позвонил. Тишина. Еще раз позвонил. Послышались шаги. Дверь распахнулась. На пороге стоял задумчивый мужчина в клетчатой рубашке и галошах на босу ногу. Смотрел куда-то вниз. Проворчал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.